ПИОНЕР

РАДИО-МЕЛОЧИ

НЕОЖИДАННЫЙ КОНТАКТ

ВЛ. НЕМЦОВ

В комнату вошел товарищ радиолюбителя Петьки, Костя Катушкин:

— Здравствуй, Петька, я с собой привел моего товарища Колю Ежова, познакомьтесь.

Коля робко протянул руку Пете, и вдруг в этот самый момент раздался голос громкоговорителя:... „исполнит арию из оперы"... Коля быстро отдернул руку, громкоговоритель замолчал. Петя смотрел веселыми улыбающимися глазами на своего нового знакомого.

— Что ты испугался? Пойдем, я тебе покажу свою установку.

Коля опасливо посмотрел на громкоговоритель, доверчиво подал руку Косте и быстро отдернул ее, потому что из громкоговорителя снова раздалось пение. Что такое? Коля в недоумении:

— Почему, как я только дотрагиваюсь до тебя, так играет громкоговоритель?

— Ничего подобного; ты можешь и не дотрагиваться до меня, громкоговоритель все равно заиграет, слушай...

Петька переступил с ноги на ногу и шагнул к Коле. Из громкоговорителя раздалась музыка.

— А вот сейчас опять замолчит.

Петя сделал шаг назад. Действительно громкоговоритель замолчал.

— Ничего не понимаю,—сказал Костя,—к приемнику ты не подходишь, а он то играет, то замолкнет по твоему желанию.

— Неужели ты не догадаешься, как это все устроено, смотри!—и Петька отдернул ковер на полу. Там, на небольшом расстоянии лежали два металлических листа с присоединенными проводами.— Видишь, как это все просто сделано. Я раз'единяю провод громкоговорителя и один из его концов присоединяю к одному листу, другой к другому. Затем накрываю все это ковром. И вот в том случае, когда я стою на одном листе, а ты на другом, громкоговоритель не работает. Стоит лишь нам только соединить руки, цепь громкоговорителя замыкается, и он начинает работать.

— Что-то не так,—вставил свое слово Коля,—ведь между нами ковер.

— Это ничего не значит, токи все равно пройдут. Здесь получается так называемый конденсатор, где обкладками служат лист железа и человеческое тело, а прокладкой ковер. Ну да это ты узнаешь, когда будешь настоящим радиолюбителем. А я вот сейчас работаю над еще более интересными „неожиданными контактами", надо придумать еще поинтереснее. Вот тогда приходите, вы увидите еще более интересное,— сказал Петька, и они втроем принялись обсуждать намеченный план.

Что интересного в № 12 „Пионера"

СЕРГЕЙ НЕЧАЕВ—историческая повесть И. Бас. Нечаев в тюрьме, в Алексеевском равелине, откуда еще никто никогда не выходил. Жизнь царя Александра II зависит от его решения. Рис. К. Кузнецова.

ПТИЦЕЛОВЫ—рассказ С. Баранова. Большой интересный и весь в одном номере. Действующие лица: Султан,—не турецкий, а другой, Чуркин—не разбойник, а собака, лесник и его сын. Рисунки М. Доброковского.

ОГОНЬ!—очерк В. Ф.—не про пожар, а про стрельбу и стрелковые состязания. Трещат выстрелы. Подготовиться, огонь!

БУМЕРАНГ.

В Бумеранге об'явлена война... дезертирам
Первый раз в Бумеранге телеграммы из
Одессы, Москвы, Свердловска, села Семеновского.
Анкета Бумеранга. Что сказали родители.
Об'явления: Все ребята...
Вести из лагерей...
Кто забыл?
Семь советов бумеранга.

ДЕТИ РАЗНЫХ СТРАН—стих. Вс. Рождественского
Рисунки А. Брея.

Где гуртом идут верблюды,
Где сгребают финик в груды,
Дядя твой с ремнем в кармане...
Трудно в лондонском тумане...
Впрочем здесь строчки перепутаны, читайте 11-ю страницу

АНАТОША ОДУВАНЧИКОВ В СТРАНЕ КРАСНОКОЖИХ—рассказ Градова. В этом номере он перекочевал на 12-ю стр., сидит под лодкой, спасаясь от дождя, и думает о гуронах и команчах. Рис. К. Кузнецова.

ОКОШКО ВО ВСЕ СТРАНЫ—Автомобиль-пуля. Человек на дне океана. Муха, которая летает быстрей аэроплана. Велосипед лезет на дерево. Автомобили по крышам.

ЗВЕНОСКОП ЕРШ ОТГАДАЙ

Радиомелочи.—Неожиданный контакт. Вл. Нелидов.

Обложка худ. П. Митурича: юннат в лесу.

Редколлегия: *Н. БУЛАТОВ, И. ЖЕЛОБОВСКИЙ, Б. ИВАНТЕР, В. ЛЯДОВА, И. РАЗИН, Н. СЛЕПНЕВ, М. ЭПШТЕЙН*

Отв. редактор *Н. СЛЕПНЕВ*

Москва. Главлит А 16 771 Изд. № 2764 „Мосполиграф", 16-я типография, Трехпрудный, 9. Тираж 30.000

ГОД ИЗДАНИЯ 5-й

К борьбе за рабочее дело — будь готов!

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА
На 12 м. — 3 р. — к.
» 6 » — 1 » 60 »
» 3 » — 85 »
» 1 » — » 30 »

ПИОНЕР

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ

АДРЕС РЕДАКЦИИ и КОНТОРЫ
Москва, Центр, Нов. площ., 6/8
Издательство «Молодая Гвардия»

ОРГАН
ЦЕНТРАЛЬНОГО БЮРО ДЕТСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ имени В. И. ЛЕНИНА при ЦК ВЛКСМ, МОСКОВСКОГО БЮРО ЮНЫХ ПИОНЕРОВ при МК ВЛКСМ и НАРКОМПРОСА

№ 12 ИЮНЬ 1928 г.

СЕРГЕЙ НЕЧАЕВ

Историческая повесть И. БАС

Рисунки худ. К. КУЗНЕЦОВА

(Продолжение)

Глава пятая

АЛЕКСЕЕВСКИЙ РАВЕЛИН

Нечаев очутился в страшном Алексеевском равелине. Отсюда еще никто не выходил. Отсюда уже никогда не выйти и ему.

Потянулись жуткие дни мертвого одиночества, могильного безмолвия, убивающего бездействия. Могильная тишина, от которой ушам становилось больно, раздиралась только дикими отчаянными воплями несчастного, томившегося где-то вблизи, уже сошедшего с ума узника. Нечаев в ужасе вскакивал ночью со своей постели, заслышав безумный крик. Он чувствовал, что и его, как новую добычу, подкарауливает та же участь. В бессильном бешенстве сжимал он зубы, а днем ходил понуро взад и вперед и мучительно искал спасения. Повеситься на прутьях железной решетки?.. Нет. Его жизнь еще будет нужна. Как же сохранить свою жизнь и рассудок?

Нечаев нашел выход. Через несколько дней он обратился к смотрителю:

— Будьте добры, испросите для меня разрешения пользоваться книгами и бумагой для литературных занятий.

Потом немного помолчал и добавил:

— Я очень хорошо понимаю свое положение; может быть, я здесь и жизнь кончу, но все-таки не хотелось бы оставаться без всякого дела; согласитесь, рассудок потерять можно!

Просьба Нечаева была доложена царю.

Третье отделение скоро об'явило, что исполнит ее.

СТОЛКНОВЕНИЕ

Прошло несколько недель.

У Нечаева появились книги. Он повеселел и даже стал вежливее с тюремщиками.

В это же время был назначен новый смотритель равелина. Казенные деньги, шедшие на содержание заключенных, стали оседать в его кармане.

Нечаев поднес ко рту ложку горячей мутной водицы и выплюнул. Мясо было гнилое. Есть нельзя было.

На утро вошел смотрител.

— Я есть ничего не буду! Уберите чай!

— Что это значит?

— То, что вы меня падалью кормите. С голоду уморить хотите.

— Молчать! Будь благодарен за то, что дают! А не будешь есть—силой заставлю...

Нечаев вспыхнул. В воздухе мелькнули ножки, и стул полетел в смотрителя. Жандарм на-лету схватил его, разбив себе руку. Нечаев отвернулся и лег на койку. Началась первая голодовка. Нечаева посетили комендант крепости и тюремный врач. На пятый день начальство убедилось, что ему не сломить упорства своего врага.

— Впредь пища будет вполне доброкачественной.

Прошло больше двух лет. В одно тоскливое утро в Алексеевском равелине происходил торжественный переполох. Ждали нового шефа жандармов генерала Потапова. Смотритель и часовые суетились, стараясь хоть немного приукрасить безнадежную мрачность каменного мешка.

— Идет!

Генерал Потапов вошел в камеру.

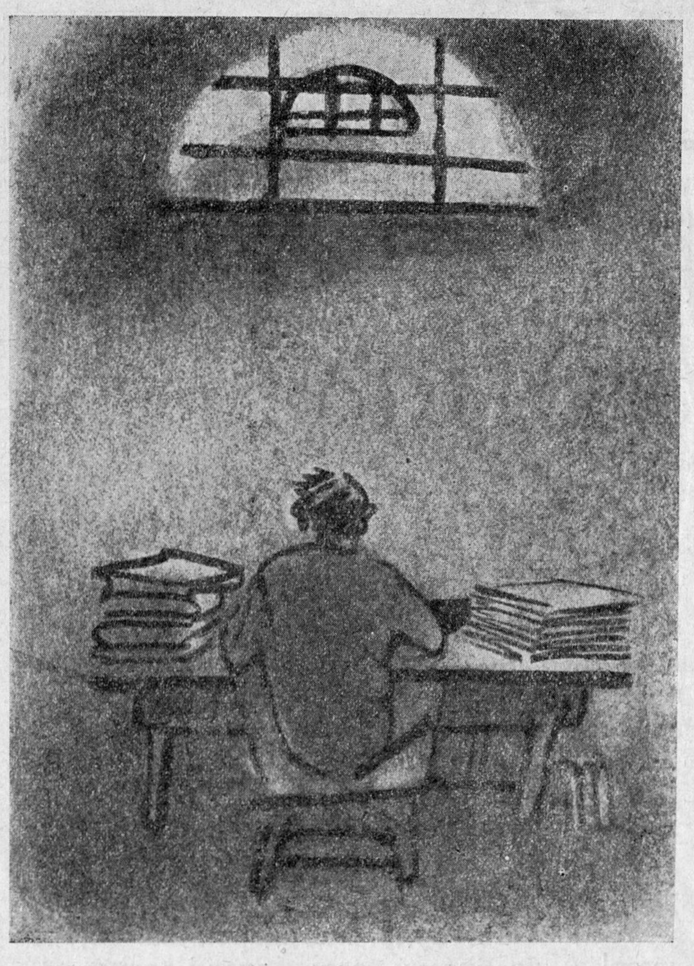
— Я к вам приехал по делу.

Нечаев вопросительно поднял голову.

— Я надеюсь, что за три года вы успели убедиться, какая судьба вас ждет: вы никогда больше не увидите свободы.

— Я это знаю.

— Но вы можете облегчить свою участь. Назовите имена ваших соучастников, расскажите мне о средствах революционной партии, и я обещаю вам выхлопотать снисхождение у государя императора.

У Нечаева появились книги...

— Генерал! Вы ошиблись. Подлость и предательство живут под блестящими мундирами, а не в груди революционера.

— Ах, вот ты как говоришь!..

— Правительство судит по себе. Негодяи не верят, что существуют честные люди...

— Молчать! Ты забыл, кто перед тобой! Хочешь, чтобы мы выколотили из тебя признание розгами...

Нечаев бросился вперед. Четкий удар прозвучал в камере. Потапов схватился за щеку. Из носа текла тонкая струйка крови.

Жандармы в ужасе схватили Нечаева.

Потапов быстро повернулся и вышел из камеры.

Никто не должен знать, что генерал Потапов получил пощечину от арестанта.

Генерал Потапов глубоко затаил свою злобу.

За три года в камере Нечаева выросла гора рукописей. Статьи о молодежи 60-х годов; письма из Лондона о демократии; тюремные дневники „Живой могилы"; наброски романов о Парижской Коммуне, об эмиграции, заметки, записи, черновики,— здесь сосредоточивалась вся его жизнь, все мысли, все его общество.

Сошел с ума несчастный сосед Нечаева— Бейдеман. Решился на повинную и написал свою „исповедь" Бакунин. Покончил с собою не один революционер.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ АЛЕКСАНДРУ НИКОЛАЕВИЧУ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ РУССКОГО НАРОДА.

Государь!

По истечении трех лет одиночного заключения в крепости со дня приговора, незаконно произнесенного надо мной московским окружным судом, я, эмигрант Сергей Нечаев, не считаю себя в праве оставаться долее в положении выжидательном и обращаюсь к вашему императорскому величеству, как к высшему авторитету правосудия и законности в государстве, абсолютно монархическом, с формальным прошением о соблаговолении повелеть подвергнуть правильному и беспристрастному судебному пересмотру „дело об убиении студента Иванова".

Я, эмигрант Нечаев, арестованный в окрестностях города Цюриха в августе 1872 г., до сих пор не знаю, ***на каких условиях выдало меня швейцарское правительство в руки российского правосудия.***

Я был увезен из Цюрихской тюрьмы, ночью неожиданно, без всякого предупреждения и об'яснения, неизвесными личностями, на которых даже не было полицейского мундира,—я был увезен из тюрьмы в отсутствие директора местной полиции г. Пфеннингера, в отсутствие всякого представителя швейцарской власти, напутствуемый единственно смотрителем тюрьмы, который отказался дать мне какие-либо об'яснения.

Доставленный в цепях в баварский пограничный город Линдау, я об'явил начальнику встретивших меня там русских агентов, г. Севастьянскому, что считаю себя жертвой произвола и беззакония, противного основным принципам публичного права,—ибо не знаю, выдала меня Швейцария или меня „украли из Швейцарии", подобно тому, как некогда граф Орлов похитил из Ливорно несчастную княжну Тараканову.

Перевезенный в конце 1872 г. в Москву, я и там на вопросы следователя и прокурора отказался давать показания, еще раз заявив, что „считаю выдачу меня швейцарским правительством вопиющей несправедливостью".

Я, Нечаев, теперь, как и тогда, готов признать себя подсудимым не только перед русским судом, но даже перед судом турецким или китайским, если только предварительно

соблюдены будут все легальные условия, требуемые публичным правом—если правительство Швейцарской республики, на почве которой я был арестован, возьмет на себя прямую юридическую ответственность за правильный исход процесса, т.-е. об'явит мне предварительно (в присутствии чиновника русского посольства): на каких основаниях и при каких условиях меня выдает России, и снабдит меня копией с своего решения по этому поводу.

Остаюсь в уединении каземата, в ожидании решения вашего императорского величества по этому поводу с надеждой на возможность правосудия в моем отечестве, во второй половине XIX века.

Узник, в силу беззакония и вопиющего произвола швейцарских олигархов 4-й год томящийся в келье Петропавловской крепости

ЭМИГРАНТ

учитель Сергей Нечаев.

1876 г., января 30 дня.

Через несколько дней, когда Нечаев вернулся с прогулки, он не узнал своей камеры. Она опустела. Было опять неприютно и одиноко, словно ушел навсегда близкий человек.

— По высочайшему повелению вам запрещено пользование бумагой и пером, а все написанное до сего, отослано в Третье отделение.

Стул полетел в смотрителя..

— Хорошо!

Нечаев заметался по клетке. Щелкнул замок. Смотритель ушел.

Ночью раздался яростный вопль. В камере Нечаева зазвенели стекла. Часовой побежал за смотрителем. Оловянной кружкой заключенный бил по окну, по железным прутьям решетки, топтал ногами осколки стекла.

На взбешенного узника накинули смирительную рубаху, привязали к кровати. А через несколько дней заковали по рукам и ногам в кандалы и лишили прогулки.

Три месяца провел он закованный в цепи, не переступая порога каменной дыры. На ногах появились раны, и только тогда ноги расковали и в первый раз повели Нечаева гулять. На руках оставались цепи.

Протест Нечаева не вернул бумаг.

„ВЫСОЧАЙШЕ ПОВЕЛЕНО ВСЕ РУКОПИСИ ПРЕСТУПНИКА УНИЧТОЖИТЬ“.

Так второй раз был сожжен Нечаевский архив. Только чиновник Третьего отделения прочел его, представляя царю свое заключение. И даже этот пристрастный враг должен был отдать Нечаеву дань изумления:

„Нельзя назвать автора личностью дюжинной. Всюду сквозит крайняя недостаточность его первоначального образования, но видна изумительная настойчивость и сила воли в той массе сведений, которые он приобрел впоследствии. Эти сведения, это напряжение сил развили в нем в высшей степени все достоинства самоучки: энергию, привычку рассчитывать на себя, полное обладание тем, что он знает, обаятельное действие на тех, кто с той же точкой отправления не могли столько сделать“.

Обаятельное действие на тех... Много лет спустя чиновник вспомнил свою пророческую фразу.

Маленькая камера равелина в конце коридора превращена в караульное помещение.

Молодой солдатик, недавно пригнанный из деревни, шопотом спрашивает у соседа:

— А кто это в пятом номере сидит?

— Неизвестно... А, должно быть, важный. Давно уж это было. К нему генерал Потапов приехал: „Покорись, говорит, царю— мы тебя всеми милостями осыпим“...

— А он что?

— А он его в морду. Ты, говорит,—негодяй, так думаешь, что и все такие...

— А генерал что?

— Ничего. Поклонился и говорит этак тихо: спасибо за науку.

— И так-таки ничего ему не было?

— Не. Только потом отняли бумаги и писать запретили.

— А что им жалко, что ли?

— Да вот, будто он там всю правду и написал, а правда-то глаза колет.

Через полчаса солдатик стоял на посту у пятого номера. В глазок видна была внутренность камеры. Часовой с любопытством разглядывал таинственного узника. Нечаев повернул голову. Часовой почувствовал на себе сверлящий взгляд.

— Как на дворе сегодня?

Часовой промолчал.

— Что же ты не отвечаешь?

— Не велено разговаривать.

Нечаев вскочил, быстро подошел к глазку и взбросил вверх руки. Оковы лязгнули и скользнули к локтям. Под ними обнажились страшные гнойные язвы.

— Вот за тебя ношу. Тебе хотел правды добыть, а ты...

— Да что же я... Не разрешают говорить. Не моя это воля.

Нечаев стал кровью писать на стене

— Со мной все говорят. Ну, как же на дворе?

— Солнце...

Нечаев победил.

Между тем, после бумаги Нечаева лишили и книг. Пытку делали более жестокой.

Уже давно опустела камера. И вдруг, вернувшись с прогулки, узник нашел несколько томиков. Тут же стоял смотритель. Нечаев взглянул на книги, потом на смотрителя, и возбужденно зашагал по камере.

— Это вы от себя положили здесь или вам приказали?

— Наступают великие дни воскресения Христова, и я думал, что эти книги...

— Их сочинили попы; вы знаете, что я неверующий, лицемерить я не стану.

Ночью он не спал. Он добьется своего. Он будет требовать. Но как передать свой голос туда, за стены этой тюрьмы? Как заставить царя выслушать его?

На рассвете он вскочил на ноги и бросился к стене. Стиснув челюсти от невыносимой боли, разбередил свои раны, и макая указательный палец в кровь, стал им писать на стене.

Утром смотритель застал Нечаева на койке с мертвенно бледным лицом.

На стене алела кровавая надпись:

Государь!

В конце восьмого года одиночного заключения третье отделение без всякого с моей стороны повода лишило меня последнего единственного занятия—чтения новых книг и журналов. Этого занятия не лишал меня даже генерал Мезенцов, мой личный враг, когда он два года терзал меня в цепях. Таким образом, третье отделение обрекает меня на расслабляющую праздность, на убийственное для рассудка бездействие. Пользуясь упадком моих сил после многолетних тюремных страданий, оно прямо толкает на страшную дорогу: к сумасшествию или к самоубийству.

Не желая подвергнуться ужасной участи моего несчастного соседа по заключению, безумные вопли которого не дают мне спать по ночам, я уведомляю вас, государь, что третье отделение канцелярии вашего величества может лишить меня рассудка только вместе с жизнью, а не иначе.

С. Нечаев

Нечаев снова об‘явил голодовку.

Через несколько дней его требование было удовлетворено.

(Окончание следует)

ПТИЦЕЛОВЫ

Рассказ С. БАРАНОВА

Рис. М. ДОБРОКОВСКОГО

1. ЧЕТВЕРО

Идут два мальца, прыгая с камня на камень, заигрывая с набегающей волной, время от времени нагибаясь за ярким, цветным камешком или пуская „блины" по глади моря.

Один из них постарше—Валя, сын бывшего лесника, другой—местный житель, без роду и племени, по имени Султан. Султан и Валя—неразлучные, закадычные друзья. В тесную дружбу их соединяет любовь к певчим птицам; оба они страстные птицеловы, мастера всякого рода силков и клеток, специалисты по птичьим нравам и ценители пения, трелей и рулад...

Лет пять тому назад разорвавшееся ружье искалечило леснику правый глаз, а имея один левый, не очень-то поохотишься. И он оставил свою сторожку в глубине лесов, переселился к морю, промышляет рыбной ловлей и птицами.

Домишко лесника наполнен клетками и разнообразными звуками птичьих голосов. Его Валька „добычлив", как заговоренный: пойдет в лес со своими силками на одну ночь, а принесет десятка два всякой пичуги. Тут уж дело лесника—их приручить, выдрессировать, научить петь и, наконец, продать.

Если кругом говорят, что лесник живет птицей, то это по меньшей мере преувеличение.

Когда к нему приходит кто-либо из покупателей, он часа два рассказывает о своих питомцах, показывает всякие штуки, которым он их обучил, или обращает внимание на одно особенное коленце, что его пернатый ученик умеет извлекать из своей глотки. При этом лесник сам в восторге, хлопает в ладоши, причмокивает и восклицает:

— Эка его разобрало! Видали?

Или говорит:

— Это еще что! То ли он завернет! Посидите—услышите.

А когда распропагандированный посетитель или увлеченный всерьез птицей спрашивает о цене, лесник тут же, проникнувшись сожалением расстаться с ней, неожиданно отвечает:

— Да я вовсе ее не продаю! Помилуйте, кто ж отдаст этакого артиста!

Очень часто покупатель, принимая такой оборот речи за манеру набить цену, пробует уговорить, не стоит за ценой, — тогда лесник окончательно обижается:

— Да что я—лавочник, торговец какой? Я такой же любитель птиц, как и вы.

Иной раз после продажи Султан берет его в переделку.

— Ну, как можно было продать такого соловья! Не стыдно вам? На трешницу польстился!

— Дурак ты. Разве это соловей? Разве ваши кавказские соловьи чего-нибудь сто́ят перед нашими российскими? Ты бы курского послушал, какие трели да коленца он выстраивает. Луна заслушается. А этот что?! Фью да фью, трели ни одной толком не выведет. Дрянь птица,—трешницу и взять-то было за него совестно.

Султан

— Уж это ты зря, папа. За целых два года такого у нас не было. Может курские и лучше поют, а из наших уловов это был что ни на есть замечательный. Сколько было соловьев, что и не пели вовсе, а этот больше шести колен выводил.

Ребята, в сущности, по поводу продажи не горевали, им просто хотелось поиграть на чувствительных струнках лесника. И, взбудораженный их упреками, старый птицелов к вечеру или на другой день вдруг сам признавался:

— Да, птица ничего была. Очень даже не плоха... Шесть колен—скажет тоже!.. К двенадцати подходило! Зря продал, зря, что и говорить.

Тут мальчуганы принимались хохотать.

— Вот, разобрало его. Жалость напала. Соловьято что жалеть, птица так себе, сладко очень поет, не забористо. Я бы соловьев и не держал вовсе. Только для продажи и надо их ловить. Давай-ка вот что: соловья всегда продавай—их покупатель любит. Ну, канареек разводи да продавай—птица плодливая. А всех остальных не трогай, пусть у нас живут. Идет?

— Идет. Только и соловья иной раз жалко. Вот ведь что!

— Ну, особый попадется—себе оставишь. А того не жалей.

Если начать рассказывать о троих жителях маленького домишки на окраине города, по осени еле видимого сквозь заросли высоченной кукурузы, то нехватит ни времени, ни места...

О троих?

Нет, там был еще четвертый обыватель, тоже герой этой повести, не какой-нибудь там незаметный герой, а очень видный и голосистый, и звали его Чуркин. Эту фамилию или кличку дал ему лесник в память легендарного разбойника, бушевавшего некогда в средней России, наводившего панику на богатеев и бравшего под свое покровительство бедняков. В народных легендах он рисовался лохматым мужиком в тулупе, со свирепым взглядом и дубинкой в руках.

В ранней молодости Чуркин лесника был светлорыж и лохмат до такой степени, что глаза его были закрыты лохмами, спускающимися на глаза, и чтобы глядеть, ему приходилось высоко закидывать голову. Кроме того, он никак не поддавался дрессировке и был сильно вороват, отчего лесник раз в сердцах и крикнул по его адресу:

— Ну, чисто разбойник! Чуркин какой народился на мою душу с хвостиком!

— Чуркин? Это кто такой?

И отец рассказал ребятам интересную и захватывающую историю про легендар-

Домишко лесника наполнен клетками

ного разбойника. И кличка эта так и осталась за лохматым, желтым псом.

Сейчас у Чуркина курьезнейший вид.

Шерстью он от природы обладает длинной, тяжелой и жесткой. Нет во всей округе такого репейного куста, который не имел бы в его шерсти своего цепкого представителя, нет такой навозной кучи, от которой у Чуркина не было бы комка грязи... А южная жара заставляет его целые дни и ночи проводить в холодной, сырой тени подвала, откуда он выходит с высунутым языком только попить и поесть, и ничто больше не в силах извлечь его из этого прохладного обиталища.

Ребят осенила на-дням гениальная мысль остричь Чуркина. Как он ни вырывался и ни кусался, его остригли. И теперь он бегает, потеряв всякий собачий вид, острижен неровными лесенками и издали производит впечатление животного неизвестной породы и происхождения, покрытого попоной из материи квадратиками. Его тело длинно, ноги коротки, а голова непропорционально велика.

Все это не мешает Чуркину быть необыкновенно умной собакой и преданнейшим существом трех обитателей птичьего домика. Он с полным правом—четвертый в этой компании.

2. КАТАСТРОФА

Султан и Валя были уже опытными лесовиками: самые молодые годы они провели в глухой лесной сторожке, помогая отцу, и самостоятельные путешествия были им не в диковинку. Они очень удивились бы, если бы их предупредили об опасности. Какая опасность в лесу?

Напутствуемые инструкциями отца о дороге и месте лова, с силками и мешочком продовольствия за спиной, мальчуганы двинулись в путь по тропинке вдоль горной речки.

Чуркин то семенил сзади, то забегал вперед, с неизменно высунутым языком и шлепающими ушами, поднимался в лес, спускался в речку; он был в восторге от путешествия, без всякой цели лаял, скакал вокруг мальчиков, отлично зная, что его сейчас прогонят, но своим поведением хотел задобрить хозяев и убедить их, что он ласковый, деятельный и полезный зверь.

Однако на повороте тропинки мальчики остановились.

— Чуркин, домой! Домой! Ну!..

Пес остановился, хвост его повис, и вся фигура собаки выражала обиду и покорность. Мальчики пошли вперед. Чуркин сделал несколько робких шагов за ними, но после грозного окрика: „домой, тебе говорят!“, сел на тропинку, глядя вслед удаляющимся ребятам. Когда они скрылись за поворотом, он побежал назад, но, раздумав, вернулся, постоял на месте и медленно, трусцой, побежал вслед, оставаясь невидимым, но все время принюхиваясь к знакомому запаху следов.

Было невыносимо жарко, и ребята, уже усталые от пути и ноши, решили выкупаться.

Сперва вода горной речки показалась им ледяной. Бурная, но мелкая, она обожгла им щиколотки студеной струей. Как цапли, они выдергивали то одну, то другую ногу, морщась и хохоча. Но скоро привыкли, окунули руки, потерли бока, грудь и пошли брызгаться, шлепать и скакать, взбудораживая течение еще больше, чем торчащие всюду камни и клыки скал.

И этот знакомый увлекательный шум и веселые голоса услышал Чуркин. Он остановился на всем ходу, торчком поднял одно ухо, потом другое, и, как пронизанный электрическим током, забыв о необходимости скрывать свою близость, стрелой помчался на голоса, сквозь кусты колючей ежевики, перепрыгивая через пни и камни, и обдал мальчуганов тучей брызг, в победном галопе достигнув голых тел.

— Ты откуда явился?

— Вот негодяй!

Чуркин скакал в воде, брызгался и фыркал, наконец, увлек ребят, и все трое возились, как оглашенные, пока не замерзли в холодной воде.

Одевшись, мальчики снова погнали пса домой, но на этот раз не двинулись в путь, пока не убедились, что Чуркин бежит, не останавливаясь. Они швыряли в него камешками, улюлюкали и кричали, что было мочи: „домой, домой!“

Поджав хвост, Чуркин бежал не очень поспешно, но уверенно в направлении к дому. Тогда и мальчики тронулись в дорогу.

Они прошли уже разваленный хутор, все знакомые им места, а под'ема в гору, как описывал им отец, все не видно.

Вот какая-то просека по круче вправо. Она ли? Похоже, но не очень. И просека ли это? Скорее ложе весеннего ручья по рассыпчатому мелкому мергелю, узкая дорожка, круто и извилисто поднимающаяся как будто до самой вершины. Они попробовали ступить: засыпает ноги, ползет вниз, и тонешь в нем.

— Наверно, не то. Отец говорит—просека. А тут ни пней, ни молодняка. Пойдем дальше.

— Идем.

Они пошли дальше, болтая и присматриваясь к местности, но нужных им признаков все не было видно.

— Знаешь что,—сказал Валя,—вернемся, там и взлезем кверху. Посмотри направо: место хорошее, тот же лес, что и отец нам говорил. А пойдем мы по просеке или нет—не все ли равно?

— Дрозды, наверное, там будут,—ответил Султан.—Только раз отец сказал—ищите просеку, лучше бы поискать. Не скажет он зря.

— Да, может то и есть просека. Не видно другой. А уж поздновато.

Вот последний аргумент был серьезным: солнце опускалось, а до темноты надо взобраться, найти место, расставить силки и ждать рассвета.

— Пройдем еще немножко. Не найдем—вернемся.

— Ладно.

Так прошли они снова с километр—нет просеки. Оба вскинули головы кверху и с видом знатоков стали изучать местность.

— Непременно там дрозды будут! Надо подниматься, а то солнце сядет.

— То-то и дело. Не низко ведь! На этот бугор подняться—не меньше получасу, а там—еще выше.

— Отсюда и не видно, что за бугорком. И там, пожалуй, не меньше часа.

И два птицелова решительно направились вверх по круче.

Может быть, они и верно оценили местность, к которой устремились, с точки зрения лова дроздов, но совершенно упустили из виду крутизну и трудность под'ема среди дикого кустарника, высоких папоротников и торчащих на каждом шагу корней вековых деревьев.

Среди густоты, замученные, мокрые, цепляющиеся за сучки и ветви, они даже не могли сообразить, много ли прошли и сколько им осталось пути до первого этапа под'ема: вверх ничего не видно через густые заросли леса.

Запыхавшиеся, они стали: Султан немного выше, Валя под ним, крепко держась за дерево, которое схватил, чтобы подняться на уступ.

— Эх, надо было там итти!

— Там! Теперь уж поздно, да там не пройти—осыпешься.

— Вали дальше — уж с полдороги, наверное, прошли.

И они снова начали карабкаться в неизвестную высь, не видя конца дороги.

Султан, ушедший вперед, где его голые поцарапанные икры мелькали выше Валиной головы, вдруг вышел на освещенное солнцем пятно и стал.

— Валька, вот так дошли!

Он протянул своему другу руку, помогая преодолеть последний этап, и выволок его на гребень горы, перед глубоким ущельем, которое еще предстояло пройти, чтобы выбраться к подошве следующей горы—цели их пути.

Вниз—голая круча, мелкие, крепко сидящие камни. Здесь еще, пожалуй, спуститься можно, но противоположный склон—такой же: подняться будет невозможно. Назад? Гущина леса, только что преодоленный под'ем! Направо и налево, насколько хватал глаз—все тот же обрыв.

— Пойдем направо, Султан, до мергеля.

— Придется—тут ни спуститься, ни подняться.

И держась за деревья и кусты, чтобы не споткнуться, они двинулись направо, все время опасаясь скатиться вниз.

Внезапно потухли вершины, сверкнули звезды, и ребят окутал полный мрак. Они осторожно, проверяя каждый шаг, цепко держась за деревья, медленно шли вперед. Что-то тяжелое, грузное, вспугнутое их шагами, поднялось в ветвях и зашумело листьями.

— Сова, наверно,—шопотом, немного струсив, сказал Валя.

— Не иначе—сова.

Молча они шли дальше. Вдруг Султан остановился. Валя, шаря рукой в поисках опоры, наткнулся на него.

— Мягко. Нога тонет. Мергель, наверно.

Валя осторожно зацепился за то же дерево, за которое держался Султан, протянул вперед ногу и, нащупав почву, робко ступил.

— Ну, да. Идет ли он вверх к той горе или нет?

Валя повернулся в сторону горы, опять ступил.

— Стою. Мягко, но не ползет.

Он отцепился от дерева и переступил второй ногой.

— Как будто можно итти... Ни зги не видно, чтоб тебе!..

— Держись-ка за меня, пойдем...

Они осторожно, нащупывая ногами дорогу, двинулись боязливо вперед. Их ноги утопали до щиколоток, мягкая почва слегка ползла назад—все это были положительные признаки: они вернулись на старое место, пересекли путь ложа; по нему они доберутся до верхних лесов. Гущина леса углубляла мрак, звезды слабо мерцали, перед ними была круча и не видно неба; путь действительно трудный, таким шагом, как они начали итти, не скоро дойдешь. Но с каждым шагом их уверенность росла, под ногами ничего не изменялось, и они ускорили свой ход.

Вдруг Валя громко вскрикнул, раздался треск валежника и камней, и что-то посыпалось вниз грузное, за ним мелкое, и Султан услышал удаляющиеся охи и вздохи своего товарища. Он инстинктивно откинулся назад, потом нагнулся вперед, воображая, что ему удастся что-нибудь увидеть, а почва неожиданно подалась под его ногами, он еле успел присесть на корточки, как поехал куда-то вниз с кучей камней и мягкой почвы, потерял равновесие, ткнулся головой и руками во что-то колючее и вслед за Валей помчался, засыпаемый землей, камешками и сучками, в бесконечность.

Со всей массой земли он докатился до какого-то препятствия, извлек из него не то стон, не то вздох и остановился оглушенный, засыпанный и недоумевающий. И по соседству он услышал придушенный шопот:

— Это ты?

И так же шопотом ответил:

— Я.

Потом кучки зашевелились, и оказалось, что оба мальчугана упали совсем рядом: разрывая себя, они толкали друг друга ногами и локтями, отчего Валя почувствовал боль.

— Расшибся здорово. Нога болит и плечо, и рожу наверно расцарапал.

Он говорил испуганным, плаксивым тоном и все время шопотом, будто боясь кого-нибудь разбудить или потревожить. Наконец, они сели, касаясь друг друга спинами.

— Вынь-ка спички из мешка,—сказал Султан.

— Да, вынь... а где мешок-то?

— Он же за плечами был.

Маленький домишко, еле видимый сквозь заросли кукурузы

— Был, а вот оторвался.

Они начали шарить руками вокруг себя, разрывать мягкие комья земли...

— Силки-то все сломались,—жалобно сказал Валя, нащупав связку сложенных клеток, обратившихся в кучу поломанных палочек и смятой проволоки.

— Ищи-ка, где-нибудь и мешок здесь.

Валя стал на четвереньки и стал шарить вокруг себя. То же сделал Султан и, нащупав веревку, подтянул к себе холщевый мешок.

— Нашел.

Он извлек спичку и чиркнул. При слабом свете огонька мальчики зажмурились, потом поглядели друг на друга.

— Ух, ты как расцарапался!—сказал Султан.

— А ты-то! Весь нос в крови. И ухо.

Потом они огляделись кругом и ничего не увидели в расстилавшемся вокруг мраке. Они зажгли две спички, развели руки, чтобы осветить большее пространство, но ничего не увидели, кроме кучи желтой земли, сухих веток и мелкого колючего кустарника. Около них юркнула, зашуршав, ящерица и исчезла из освещенного пятна.

— Давай рассвета ждать...

— Пощупаем, что вокруг.

— Только не вставай,—сказал испуганно Султан,—а то еще раз провалишься куда-нибудь...

Насколько хватали руки—все было то же: земля, щебень и сухой валежник. На четвереньках они немного отодвинулись друг от друга и снова пошарили руками.

— Ой!.. Напоролся!.. Зажги-ка спичку скорей.

При свете спички они увидели глубокую колючку, сидящую в руке Султана, и, извлекая ее, решили больше не двигаться до света.

— Давай зажжем сухие ветки!

— Собирать надо—опять напорешься. Лучше в темноте посидим.

Ребятишки замолчали, подавленные неожиданностью пережитого, ощущениями ссадин и ударов, грустные от неудачи путешествия и поломанных силков. Испуг прошел, их глупое положение неподвижности и тьма южной ночи не представляли для них источников страха: они не раз бывали застигнуты в лесу ночной тьмой. Нередко, достигнув цели и расставив силки, подремывая, они спокойно ждали появления первых лучей солнца. Но сейчас нервы были напряжены и обида за неудачу готова была спазмами сжать им горло.

И вдруг где-то над их головами, казалось страшно близко, раздался дикий, душераздирающий вой шакала, переливчатый, полный тоски и отчаяния...

Каждую ночь они слышали эти крики из своего дома на окраине города, но разве можно сравнить их ощущения там, под крышей, по соседству с отцом, с теперешними: в полном одиночестве, во тьме, на дне какой-то ямы. Не раз и в лесу они дремали, прислушиваясь к вою „чекалок“, но никогда этот вой не казался таким близким, так зловеще не перекатывался звонким эхом и не будоражил нервы.

— Зажжем костер, Султан. А?.. Они боятся огня,—дрожащим голосом прошептал Валя.

— Н-не надо... Держи спички на-готове...

И тесно прижавшись спинами, они сидели, нервно дрожа. С напряжением они ждали, что крик вот-вот повторится где-нибудь близко-близко. Мускулы были напряжены, мальчуганы каждую минуту готовы были вскочить, чтобы бежать. Куда? Некуда, но все равно—бежать!

Крик больше не повторялся, но ночь казалась бесконечной.

3. ИЗБАВИТЕЛЬ

И только когда небо вдруг посветлело, они зашевелились и поняли, что под конец задремали. Еще ничего нельзя было разобрать. Только через некоторое время стало ясно, где они находились и откуда свалились. У них дух замер при взгляде вверх—какая круча! Только мягкая разрыхленная почва, лишенная всякой растительности, да кучи осыпей внизу спасли их от смерти при падении в эту узкую щель. Они лежали на дне, а противоположный склон, начало той горы, которая казалась им целью путешествия, был тоже крут, но и лесист. На расстоянии пяти-шести метров над головой начинался густой лес.

Почувствовав острый голод и запихивая за обе щеки пирожки, они пошли по дну щели, вдоль ее, почти касаясь склонов: где-нибудь да она кончится! Может быть, там можно будет вылезть.

Через несколько шагов, за поворотом, щель кончилась совершенно отвесным соединением обоих склонов. Они пошли назад, в противоположном направлении. С километр тянулась их западня и кончилась менее крутым под'емом. Они попробовали влезть, но земля стала осыпаться, и все их усилия не приводили ни к чему: чем больше энергии они затрачивали, тем бо́льшие массы рыхлой земли падали, увлекая их за собой...

Мальчики оглянулись, поглядели друг на друга, полные растерянности, и молча повернули назад. Теперь они внимательно оглядывали противоположный склон. На высоту в два человеческих роста была голая земля, и выше торчали корни, дальше молодые буки, потом вековые деревья. Все это на невероятной круче. Но там от дерева к дереву, как по ступенькам, можно взобраться, лишь бы достигнуть первых деревьев, хоть бы за корни зацепиться.

Они шли, задрав головы, в надежде увидеть свисающий корень или свалившееся дерево. Стать друг другу на плечи? Все равно не достать: много выше начинается растительность. Они снова дошли до конца и остановились в полной безнадежности. Валя, вытащив из кармана горбушку хлеба, едва ли понимая, что делает, задумчиво поднес ее ко рту.

— Не ешь,—остановил его Султан.

— Почему?

— Пригодится. Отец раньше вечера не хватится, ночью не пойдет искать: до следующего утра тут досидим.

От такой перспективы Валя сразу вышел из своей сосредоточенной задумчивости.

— Давай-ка пробовать еще... Как нас найдет-то отец?

Чуркин побежал вслед, все время принюхиваясь

Снова и снова они обходили лощинку, всматриваясь в каждую возможность уцепиться, вскарабкаться и выбраться из ямы, но все безрезультатно. Солнце уже высоко взошло: одна из стен их тюрьмы до середины осветилась солнцем,—стало невыносимо душно, ящерицы стадами бегали, мелькая меж кусков мергеля. Снова захотелось есть. Ребята разделили свои запасы на три равные части, одну разодрали пополам и с'ели по микроскопическому кусочку кукурузного хлеба.

— Пи-ить хочется,— уныло протянул Валя.— Сколько теперь времени, как ты думаешь?

Султан посмотрел наверх, на небо, и сказал:

— Наверно, не больше двенадцати.

— Ой, сколько еще ждать до утра!

При свете дня пропали ночные страхи. Но страха остаться здесь, не выбраться, не быть найденным и не возникало в их головах. Что их здесь могут не найти—не приходило им даже в голову: они крепко верили в лесника; они опасались только одного: что он не скоро хватится, не догадается о постигшей их беде. Слишком часто и надолго они пропадали из дому, всегда благополучно возвращаясь, и лесник скорее будет ругаться, на чем свет стоит, чем подумает о возможности несчастья.

И мальчуганы нервничали, досадуя на вынужденную бездеятельность, всегда болтливые, не находили тем для разговора, мучительно ощущали жажду, мечтали выкупаться, в ярких красках представляли себе речку, море, дом и с необычайной ясностью осознали, какая ценность—свобода и приволье... А тут они, как в тюрьме.

И тоска сжала им сердце. Упершись в мягкую почву, прижавшись спиной к круче, они смотрели себе под ноги, думая каждый о своем.

И вдруг над головой они услышали знакомый, родной голос, встрепенувший их сердца в радостном порыве. Они подняли разом головы и на головокружительной высоте увидели мечущегося по хребту Чуркина.

Он тявкал короткими, отрывистыми звуками, метался взад и вперед; комки мергеля, срываясь, летели вниз, а он не мог понять, как спускались мальчики вниз, как ему попасть к ним и почему они не покажут ему дорогу вниз.

И оба обрадованные, как спасителю мальчики закричали, что было мочи:

— Домой! Домой, Чуркин!.. Домой!

Пес приостановился, глядя вниз, прислушиваясь к голосам. Потом поднял морду и радостно залаял.

— Домой, тебе говорят... Дом-о-ой!

Чуркин, ничего не понимая, глядел вниз, почва поползла под ним, он испугался и, отпрянув, скрылся из вида.

Мальчики еще больше испугались, как бы он не упал к ним,—тогда все надежды на скорое освобождение лопнут. Они смотрели наверх в поисках песьей головы, но она исчезла. Позвать они боялись, как бы он не принял их призыв за желание получить его сюда... И вдруг сбоку, над соединением обоих берегов, среди кустарника опять раздался лай и можно было различить висящие уши и черную точку носа на рыжем фоне шерсти.

— Домо-ой, говорят тебе!

Чуркин поднял голову и жалобно завыл, поняв, что ему не удастся попасть к своим хозяевам. Он снова заметался в вышине, то там, то тут показывая голову, бросал взгляды вниз, жалобно выл и, наконец, смолк.

— Дурак какой, он тут до вечера проторчит!

— Чурки-ин, иди ж домо-ой, домо-ой! К отцу...

Ребята бессознательно напрягали всю силу воли, чтобы внушить псу, что от него требовалось. Они отчетливо понимали, что словами ему не об'яснишь, что надо действовать силой внушения, чем-то таким, чем обычно люди действуют на сознание бессловесных животных, когда хотят, чтобы те поняли, учуяли их мысли. Они были убеждены, что Чуркин в состоянии их понять, должен понять, поймет в конце концов, но надо найти и затронуть те таинственные, но существующие в природе нити, которые связывают волю человека с сознанием животного. И они искали их, силились найти в словах, в интонации, в голосе.

Они нашли, наконец, но нашли совсем не там и не так, как думали.

Их отчаяние от песьего непонимания, бестолковости, разочарование в его сообразительности, безнадежность заставить послушаться открыли Чуркину настроение ребят, их взволнованность, их напряжение, их усилия при внешней бездеятельности что-то сделать, чего-то достичь, что-то ему внушить.

И пес вдруг понял, что мальчуганы беспомощны в своей неподвижной, бездеятельной позе, что они, всегда живые, чем-то прикованы в этой глубине. Он деловито как будто немного вопросительно залаял, не отрываясь от мальчиков, и замолчал, прислушиваясь.

— Домо-ой!

Тут этот призыв дошел до его сознания: он сорвался с места и галопом помчался к дому.

4. СПАСЕНИЕ

Он мчался, как угорелый, временами скатываясь к речке, где наспех, разбрызгивая воду, делал два-три глотка и мчался дальше, с высунутым языком, запыхавшийся и озабоченный.

Вчера он вернулся домой, когда мальчики прогнали его; все утро он не находил себе покоя, выбегал на дорогу, ждал их и, наконец, не вытерпев, помчался навстречу, дошел до того места, где накануне покинул своих хозяев, и дальше по следу обнаружил их местопребывание. Теперь он мчался за отцом, отлично понимая, что его надо известить, что без его помощи не выйти из беды, что мальчуганы не возвращаются, как делали всегда, а чего-то ждут.

Он стрелой влетел в палисадник, толкнув головой калитку, помчался под навес, где лесник чинил сеть, и вскочил передними

—Берись кто-нибудь один

лапами ему на колени, хрипло лая от усталости и возбуждения. Лесник равнодушно отмахнулся от собаки. Чуркин побежал к кадке хлебнуть воды, чтобы набраться сил для новых об'яснений, и снова примчался к хозяину, неистово лая, тыкаясь в ноги и отбегая к калитке.

Лесник посмотрел на него и спросил:

— Ну, чего ты?

Чуркин замотал хвостом, еще энергичнее залаял и стрелой помчался за калитку на дорогу, на всем ходу остановился и, повернувшись, вопросительно поглядел назад—понял ли старый, хозяин, что его приглашают за собой.

Но лесник ничего не понял.

Пес прибежал назад, схватил зубами штаны и, упираясь всеми четырьмя лапами, сделал вид, что хочет стащить лесника с чурбана, на котором тот сидел.

Лесник рассердился и ударил собаку по голове.

— Отстань, дурова голова! Разорвешь!

Пес с отчаянием посмотрел в глаза человеку, не понимающему, что его зовут, что ему надо итти, надо...

Казалось, он придумывает, что же ему еще сделать, чтобы об'яснить.

И пес, наконец, рассердился на тупоголового хозяина, которому ничего не втолкуешь. Он сердито зарычал, залаял, как лаял на посторонних, на проходящих нищих, на опасных людей, залаял, ощетинившись, как никогда не позволял себе по отношению к хозяевам.

Лесник не в шутку обозлился и замахнулся.

— Ты это что! Ишь, народился какой на мою душу с хвостиком...

Но Чуркин отбежал на шаг и громко, закатисто продолжал лаять, потом повернулся, помчался на дорогу, снова вернулся и еще раз отбежал за калитку.

И тут только леснику пришла в голову мысль, что с Чуркиным что-то творится. Он вспомнил, что утром пес помчался навстречу мальчикам, но вернулся один. Он почувствовал, что Чуркин взволнован и ощутил, наконец, тревогу.

— Валя, Султан? — вопросительно бросил лесник.

При этих знакомых словах, связанных с тем, чего он добивался от непонимающего человека, Чуркин, как стрела, примчался назад, весело, благодарно залаял, скакал вокруг, лизнул лесника в бороду и уже уверенный, что тот понял, помчался по дороге. Лесник встал, глядя через забор на пса.

Тот остановился, оглянулся, выпустил из своей глотки звонкий призыв и побежал снова вперед, зовя за собой человека.

Лесник взял палку и пошел. И Чуркин немедля вернулся, радостный, попытался подскочить к самому лицу и побежал вперед, поминутно оглядываясь. Когда он убедился, что лесник идет, совсем успокоенный он умчался далеко вперед, изредка возвращаясь, потом снова убегал по той дороге, по которой—это знал и лесник—шли дети.

Лесник шел и тревога заползала в его душу. Что могло случиться с детьми? В какую беду попали они оба? Если что-нибудь произошло с одним, тогда прибежал бы другой. Убиты, растерзаны, и Чуркин нашел только их тела?

Лесник то ускорял шаг, то вдруг останавливался, размышляя, не вернуться ли за ружьем или позвать людей, и шел дальше, почти бежал...

Наконец, Чуркин с тропы круто повернул вверх, дождался лесника и помчался в вышину, скрытый кустами.

Затем он вернулся, озабоченно полаял и убежал дальше, и его путь обозначался только шуршащим папоротником, шевелившим своими листьями, да хрустом валежника.

Лесник, не размышляя, полез наверх, цепляясь за кусты и сучья и, совершенно запыхавшийся, почти дополз до гребня ямы. Не успел он заглянуть внутрь, как ребята закричали:

— Папа!.. Мы здесь... веревку принес?

Им казалось, что Чуркин сбегал за отцом и мог связно рассказать, что с ними приключилось. Но лесник был далек от возможности понять с собачьих слов или догадаться о сути приключившегося несчастья. Ни веревки, ни чего другого с ним не было. Но с опытом полжизни прожившего в лесу и в горах человека, он окидывал взглядом местность, чтобы найти выход.

И он, конечно, его нашел!

По крайней мере сразу и уверенно он принялся за попытку вызволить ребят.

Прежде всего он обогнул провал и стал спускаться по обросшему лесом склону, шаря по сторонам в поисках чего-то. Наконец, он увидел нужное: то был тонкий, подгнивший у корня, но еще достаточно прочный ствол бука. Он отломал его и, осторожно ступая и держась за деревья, от корня к корню, стал спускаться.

Над самыми головами мальчиков он, крепко расставив ноги, уперся ступнями в подножья двух деревьев, облокотился спиной в третье и, опустив ствол бука вниз, крикнул:

— Берись кто-нибудь один!

И так он подтянул мальчуганов к себе под лай и вой Чуркина, который где-то в вышине метался в ожидании всех троих. Но дело затянулось: ребята от радости освобождения забыли внизу мешок и сломанные силки. Султана снова спустили вниз и вытащили со всей поклажей.

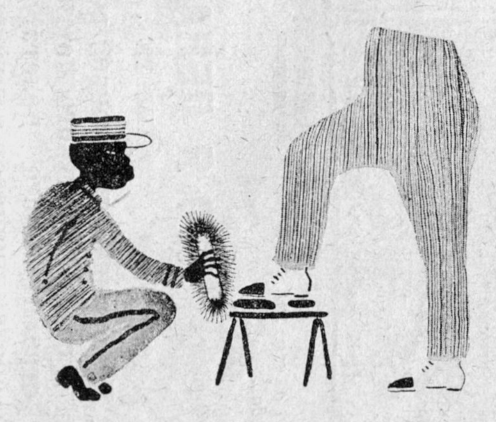
И когда все четверо соединились на тропе, Чуркин от радости потерял всякое самообладание, как будто он один чувствовал степень опасности, от которой только что освободились мальчики. А они сами думали лишь о сломанных силках да о непойманных дроздах. Отец выругал их крепко дураками, показав на просеку, которую они прозевали из-за зарослей молодняка задолго до ложа весеннего ручья.

ДЕТИ разных СТРАН

Стих ВС. РОЖДЕСТВЕНСКОГО
Рисунки художника А. БРЕЯ

1

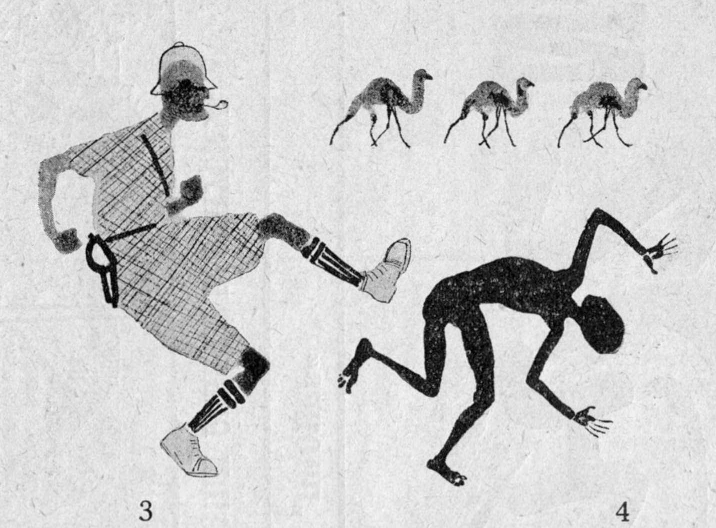
Чуть заря—ты чистишь ваксой
Сапоги господ
И на лифте с черной таксой
Ездишь круглый год.
Нет с утра бананной корки
В животе пустом.
Тяжко жить тебе в Нью-Йорке,
Негритенок Том!

2

Твой отец—портовый кули,
Рваный У-Пи-Чан.
Грузит он в пыли и гуле
Рис для англичан.
Весь обед твой в жидком чае,
В рисовой пыли.
Тяжко жить тебе в Шанхае,
Китайченок Ли!

3

Где сгребает финик в груды
Возле пальм феллах,
Где гуртом идут верблюды
В голубых песках,
Где на Ниле строят шлюзы—
Там с ребячьих лет
Англичане и французы
Бьют тебя, Ахмет!

4

Ради маленькой монеты
Юркий—здесь и там,
Ты весь день суешь газеты
Чинным господам.
Дядя твой с ремнем в кармане—
Строгий человек.
Трудно в лондонском тумане
Жить, бедняга Джэк!

5

Так прислушайтесь же, дети,
Дети разных стран,
Как для всех гремит на свете
Гулкий барабан!
Край наш крепнет год от года—
Всем другим пример,
И как зяблик у завода
Свищет пионер.

Год издания 1-й

К борьбе за рабочее дело—будь готов!

ИЮНЬ — СТЕННАЯ ГАЗЕТА ЧИТАТЕЛЕЙ ЖУРНАЛА „ПИОНЕР“ — 1928 г.

ВОЙНА ДЕЗЕРТИРАМ!

Учеба закончена. Двери школ закрылись до осени. Теперь в лагеря, за город!

Не все ребята будут проводить лето со своим отрядом, многие уедут в отпуск. Десятки, сотни поездов разбросают пионеров-отпускников по деревням и селам на летний отдых.

Отпускник едет не только отдыхать. Его ждет молодая пионерская ребячья деревня. Она потребует от него нового, интересного: игр, песен, рассказов, бесед, книг. И будет очень плохо, если городской пионер не сможет или не захочет организовать досуг деревенской детворы. Такой пионер будет дезертиром культурного фронта в деревне.

Смерть дезертирам! „Бумеранг“ об‘являет им беспощадную войну.

НАШИ РЕБЯТА В ОТПУСКУ

Вот, о чем мы говорили, когда уезжали из города...

И вот, что получилось на деле, когда мы уезжали из деревни.

ТЕЛЕГРАММЫ

ОДЕССА. Бумеранг попал к нам в город. На-днях возвращается в Москву с добычей. В Одессе прошла конференция читателей „Пионера“. Все подробности в № 13. Бумеранг № 8 посвящается только одесским ребятам.

Б. Б.

МОСКВА. Конференция читателей „Пионера“ прошла хуже, чем в Одессе. Московские ребята отстают. Почему—неизвестно.

Б. И.

СВЕРДЛОВСК. К нам приехал представитель редакции т. Федосеев для того, чтобы провести конференцию. Телеграмму допишу после.

В. Ф.

Село **СЕМЕНОВСКОЕ.** В нашем селе семь дней был лагерь вожатых Красной Пресни. Они выпускали ежедневную лагерную газету „Писк“. Шлем очерк почтой.

З. К.

МОСКВА. Максим Горький встретился с пионерами в Москве. Ждем сообщений, как ребята встретили Горького, что он им сказал.

Н. Ш.

Наказ выполним

Нас было пятеро: Ванька и Петя Семеновы, Леня, Маня и я. Все мы раз‘езжались по деревням на лето.

Ребята отнеслись к нашему от‘езду серьезно. Собрали по звеньям книги, журналы, плакаты. А на сборе отряда дали наказ: держать связь с отрядом, писать не меньше двух писем в неделю, вступить в деревенский отряд и работать с неорганизованными ребятами.

Мы обещаем наказ выполнить. Со сбора ушли бодрыми, чувствуя большую зарядку к работе. В деревне на общественной работе проверим свой опыт.

Сидоренко

* * *

Грозою небывалой
Пропеллер наш ревет,
Воздушные провалы
Качают самолет.

Гудит... А в это время
Милы, как никогда,
Родимые деревни,
Стальные города.

Высоко реют птицы...
Мы вместе полетим!
И не сомкнем ресницы
Под небом голубым!

Деткор А. Безымянный

СОВЕТЫ ПИОНЕРУ-ОТПУСКНИКУ

1. ОРГАНИЗУЙ ДОСУГ КРЕСТЬЯНСКИХ РЕБЯТ. Проведи с ними беседы, читки газет и журналов. Научи петь песни, покажи пионерские игры.

2. ПОМОГАЙ ДЕРЕВЕНСКОМУ ОТРЯДУ. Войди в него и старайся поднять его работу, используя свой городской опыт.

3. ЧИТАЙ ГАЗЕТУ РЕБЯТАМ И ВЗРОСЛЫМ, рассказывай им о всех событиях у нас и за границей.

4. СТАРАЙСЯ ПРИВИТЬ НАВЫКИ САНИТАРИИ И ГИГИЕНЫ. Будь примерным в этом отношении. Агитируй за солнце, воздух и воду.

5. ОКАЗЫВАЙ ПОСИЛЬНУЮ ПОМОЩЬ ВЗРОСЛЫМ — напиши заявление, письмо, попроси свой отряд выяснить, что требуется в городе. Помогай в полевых работах.

6. ОРГАНИЗУЙ РЕБЯТ ДЛЯ РАБОТЫ В ПОМОЩЬ СЕЛЬСОВЕТУ ПО БЛАГОУСТРОЙСТВУ СЕЛА (исправить колодезь, канаву, мосты).

7. ИСПОЛЬЗУЙ „НОЧНОЕ“ для борьбы с темнотой и невежеством. Вытесняй рассказы о „чертовщине“, домовых, леших беседами о гражданской войне, борьбе пионеров за границей. Расскажи о происхождении земли, солнца, отчего бывают дожди, молнии.

Многое еще может сделать отпускник. Работы — непочатый край, нужно лишь уметь смотреть.

Начинайте работу с маленьких дел и постепенно переходите к более трудным.

ДЕРЖИТЕ СВЯЗЬ СО СВОИМ ОТРЯДОМ И МЕСТНОЙ ЯЧЕЙКОЙ. ТРЕБУЙТЕ ОТ НИХ ПОМОЩИ.

ЧТО Я ДЕЛАЛ В ДЕРЕВНЕ

(Анкета „Бумеранга“)

„Бумеранг“, пущенный редакцией „ПИОНЕР“ по деревням и селам Советского Союза, недавно возвратился из своего стремительного полета. В пути он собрал сведения о работе пионеров-отпускников. Многим непоздоровилось от нашего „Бумеранга“.

Вот что сказали бойцы на культурном фронте деревни:

Я РАБОТАЛ

Я организовал отряд и работал в нем. Привез из Костромы книги и занимался по ним.

УЧИЛА НОВЫМ ИГРАМ И ЛЕГКОЙ ГИМНАСТИКЕ. КНИГИ ВЗЯТЬ ЗАБЫЛА И ПРИШЛОСЬ ЧИТАТЬ „МУРЗИЛКУ“.

Проводил беседы в „ночном“, очень интересовались ребята. Научил играть в баскетбол и волейбол и этим немного отучил от футбола.

Я РАБОТАЛА В ДЕРЕВЕНСКОМ ОТРЯДЕ И ВЫПОЛНЯЛА ЕГО ЗАДАНИЯ, КОНЕЧНО, КАКИЕ ПОТРУДНЕЕ.

Был вожатым звена.

ПОКАЗЫВАЛ, КАК СОБИРАТЬ КОЛЛЕКЦИИ ВРЕДИТЕЛЕЙ ДЛЯ ШКОЛЫ.

Я задавал шарады и об‘яснял, как их надо отгадывать.

Читала по воскресеньям газету „Юный Пахарь“, проводила концерт в доме одной девочки.

А Я... ОТДЫХАЛ

Дезертиры бежали в панике при виде снижающегося „Бумеранга“. Застигнутые врасплох, они отвечали отрывистыми, короткими фразами.

Играл в лапту . . . некогда было.

НЕ ДО ЭТОГО БЫЛО . . . ПРОВАЛИЛСЯ В ШКОЛЕ.

Я проводил игры. В футбол целый день играли...

А РАЗВЕ НУЖНО РАБОТАТЬ? МНЕ В ОТРЯДЕ НИЧЕГО ОБ ЭТОМ НЕ ГОВОРИЛИ.

Я НЕ РАБОТАЛ, ЗАТО ПРИБАВИЛСЯ В ВЕСЕ... а здоровье—это все.

ЧТО СКАЗАЛИ РОДИТЕЛИ

Взрослое население в большинстве случаев было довольно работой отпускников. Вот их мнения.

Я организовал ребят, учил их песням, а крестьяне говорили — „хорошие пионеры“.

Крестьяне были довольны моей работой и говорили, что пионеры не лодыри, а тоже помогают им.

Не только ребята, но и 20-летняя молодежь принимала участие в играх и песнях.

Я писал заявления и письма крестьянам, читал газеты.

Они были очень довольны.

ОБ‘ЯВЛЕНИЕ

ВСЕ РЕБЯТА с выходом нового номера «Пионера» переписывают его содержание со второй стр. обложки на большой лист картона, фанеры или бумаги и вывешивают на видном месте

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ „БУМЕРАНГА“

ВЕСТИ ИЗ ЛАГЕРЕЙ

В № 13 «ПИОНЕРА»

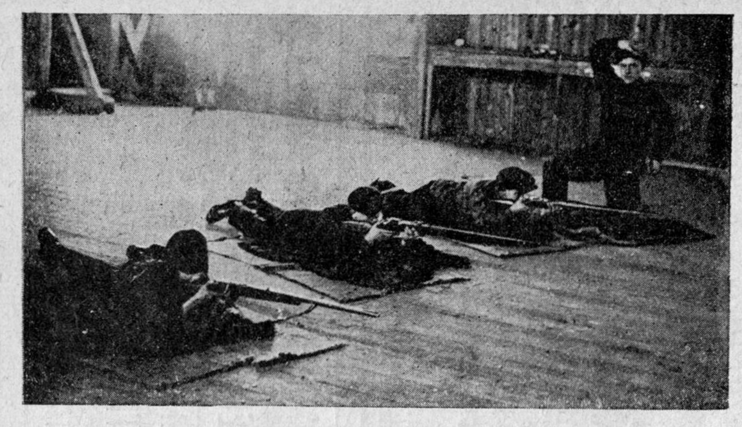
ОТВЕТЫ НА СТИХИ

и многое другое, очень интересное

КТО ЗАБЫЛ

подписаться на журнал «ПИОНЕР» во втором полугодии, должен поторопиться с подпиской.

Журнал и 2 приложения к нему на полгода стоят 1 р. 60 к. Без приложений столько же, приложения бесплатные

Приготовиться... огонь!

ОГОНЬ!..

Весной в Москве происходили соревнования по стрельбе из малокалиберной винтовки на 25 метров между командами отрядов и школ.

1 место и переходящий приз получила команда 55 отряда Кр. Пресни при „Рабочей Москве“, набравшая 152 очка.

2 место—команда 100 и 121 отрядов Зам. о-на—133 очка.

3 место—26 отряд Кр. Пресни при „Красном Маяке“—131 очко.

ТРЕЩАТ ВЫСТРЕЛЫ

Более пятидесяти пионерских стрелков собралось в этом большом деревянном павильоне сельскохозяйственной выставки.

Стрелковые соревнования на переходящий приз „Пионерской Правды“ привлекали многие отряды и школы.

Легко вскинула винтовку...

Новенькая малокалиберная винтовка—вот приз лучшему коллективу, поблескивает с судейского стола слишком заманчиво.

Еще тихо в павильоне, еще не прозвучали первые выстрелы, а ребята уже перезнакомились друг с другом, деловито обсуждают подробности соревнования, осматривают оружие.

Вирька отводит в сторону ребят из отрядной команды и сообщает сенсационную новость: пионеры из 26-го выбивают 50 очков!

— 50 очков! Вы понимаете, что это такое!

Ребята подавлены. Вчера они еще выбивали только 30—35. Но, может быть, Вирька ошибся? Надо проверить.

Через десять минут отрадная весть: они выбивают 50 из 100 возможных, а не из пятидесяти.

Судьи засуетились. Списки составлены, мишени прикреплены. Первая команда занимает свои места.

— Приготовиться... огонь!

Сухо трещат выстрелы. Ребята нервничают и торопятся.

Напрасно успокаивают их инструктора, говоря, что 10 минут более, чем достаточно; ребята спешат, как на пожар.

Фока, Гуря, Гулеев от нетерпения переминаются с ноги на ногу. Скорей бы!

После того, как очередная команда кончает стрельбу, вся масса стрелков приваливает к судейскому столу, где подсчитываются очки.

Поведение команды на линии огня сразу показывает ее лицо. Вот школьники N-ской школы. Посмотрите, как они стреляют. Изумительное разнообразие. Один лежит на боку, другой задрал ноги кверху, третий свернулся колачиком, точно ему холодно. Эти ребята стреляют плохо. Видно, никто ими не руководил. А вот N-ский отряд. Ребята уверенно держат винтовки, быстро вскидывают их, кладут пули одна возле другой. Все чаще и чаще трещат выстрелы. Все теснее и теснее смыкается кольцо вокруг судейского столика, когда просматриваются мишени. И все беспокойнее становятся наши ребята—им стрелять последними. Уже выяснен вероятный победитель. Только бы не подкачать.

Сейчас моя очередь...

Брат и сестра. Победители личного первенства. Рютина (2 место) и Рютин (1 место)

УБЬЮ, ФОКА!

— Что ты делаешь, Фока! Убью...—шепчет Вирька, стоя позади Фокина, стреляющего в этот момент. Фокин неряшлив. Четыре пули легли в черное яблоко, их не видно. А пятая залезла в край мишени.

За сестру он спокоен. Люба уверенно и легко вскидывает винтовку. Напряжение зрителей достигает крайнего предела. Это последняя команда. Сейчас выяснятся результаты.

ЧТО ПОКАЗАЛИ МИШЕНИ

Соревнования окончены. 55-й на первом месте. 100 и 121 на втором и 26-й—на третьем. Гуря получает винтовку для команды.

Все постепенно расходятся. Наша пятерка снова бежит по улицам.

Он не промахнется

АНАТОША ОДУВАНЧИКОВ В СТРАНЕ КРАСНОКОЖИХ

Рассказ ГР. ГРАДОВА
Рис. худ. К. КУЗНЕЦОВА

(Продолжение)

Где-то далеко заурчали первые раскаты грома.

— Шабаш, ребята!—скомандовал Юрка.—Вали на ночевку.

Мы пристали к правому низкому берегу В одну минуту разгрузили лодку.

— Ну, ребята, дом строить! Живо!—командовал Юрка.—Толька, тащи лодку за нос! Васька, за мной,—грузи корму!

Ребята оба влезли в воду и всей тяжестью своего тела налегли на корму. Острый нос легкого челнока высоко поднялся из воды и сам вылез на берег.

— Тащи, Толька, тащи!

Я, ухватившись за цепь, тащил изо всех сил. Когда челнок под нашими усилиями до половины вылез из воды, Васька подпер корму плечом, а Юрка присоединился ко мне.

— А ну, разом!

Мы налегли и одним рывком оттащили челнок шага на 3, на 4 от берега.

— Стоп! Ворочай!

Ребята налегли на челнок и перевернули его кверху дном. Васька взял щепотку мелкой сухой травы и, высоко подбросив ее на воздух, внимательно проследил направление ветра.

— Вот так ставь!—указал он рукой вниз по реке.

Мы повернули челнок вдоль реки и скамейками, которые оказались неприбитыми, подперли его в полунаклонном положении.

Юрка пощупал устои, и они показались ему ненадежными.

— Как бы ветром не завалило, еще придушит! — пробормотал он озабоченно, — вы устраивайтесь, а я пойду подпорки поищу понадежнее.

Мы с Васькой перетаскали под челнок все наши вещи. Затем, под висящим в воздухе ботом челнока, Васька провел кривую черту на песке.

— Копай руками канаву по этой черте, да поглубже.

— Зачем?

— А ты подумай, так и сам догадаешься. А я пойду, дров сухих заготовлю.

Я копал, думал и, представьте себе,—догадался. Канава, конечно, была нужна для того, чтобы в нее стекала вода с челнока и не заливалась бы внутрь. В восторге от своей догадливости, я не только вырыл канаву по указанной мне Васькой линии, но сделал от нее и отвод—прямо в реку. Пришел Юрка с двумя кольями для подпорки.

— Это ты правильно!—одобрил он меня.—Ливень будет здоровый—без канавы зальет.

Налетевшая гроза застала нас в полной безопасности, в уютной домашней обстановке. Ветер выл, дождь хлестал по днищу челнока, а мы, завернувшись в покрывала, лениво жевали вкусные мягкие булки.

— А здорово придумано!—восхищался я.—Дождик, ветер, а нам хоть бы что!

— Чего же тут придумывать?—скептически отозвался Васька,—перевернул лодку, и готово.

— А лодки не было бы?

— Шалаш бы построили.

— А если бы шалаш не из чего было построить?

— Палатку можно сделать из одеял...

— В стог залезть...

— Под елкой спрятаться...—наперебой отвечали ребята.

Страшный удар грома заглушил наши голоса. Я вспомнил описания тропических гроз и поделился с ребятами своими познаниями

От мустангов до индейцев рукой подать

Я незаметно перешел на бизонов

Я делился своими познаниями об ураганах

Хитрые сиуксы

об ураганах, шаровидных молниях, наводнениях... С грозы я незаметно перешел на бизонов, с бизонов на мустангов. От мустангов до индейцев рукой подать, а там уже так само и покатилось: непобедимые делавары, жестокие гуроны, хитрые сиуксы, храбрые следопыты, непроходимые леса, пустынные прерии, кровопролитные сражения и скальпы, скальпы, скальпы...

Ребята слушали меня с интересом.

Когда я, наконец, остановился, чтобы перевести дух, Юрка одобрительно хлопнул меня по затылку:

— Ловко! Здорово ты все это выдумываешь!

— То-есть как выдумываю? Это все на самом деле—так и есть.

— Ну, уж это, брат, врешь!

— Вру?! Я сослался на незыблемые авторитеты—Купера, Майн-Рида, Густава Эмара.

— Все это, может быть, так и было,—заявил Юрка,—но лет, этак 50—70 тому назад, а теперь нет ничего.

— Как нет ничего?

— Да так! Какие там непроходимые леса и пустынные прерии, когда везде железные дороги, автомобильные шоссе, фермы, копи, шахты, заводы. Бизонов твоих во всей Америке наперечет осталось.

— А индейцы? Индейцы-то есть?

Жестокие гуроны

— Малость есть!—И тут же рассказал он мне грустную повесть о том, как теснимые наступающим на прерии и леса капиталом индейские племена отступали все дальше и дальше на запад; как белые переселенцы убийством, обманом и водкой привели к полному вымиранию целые племена. А оставшиеся в живых влачат жалкое существование, продавая свои земли за бутылку водки и свой труд—за пачку табаку.

— Да откуда ты все это знаешь?—перебил я Юрку.

— Как откуда? Из географии, конечно. В школе учитель говорил.

Из географии! Я, лично, имел об этой науке не более ясное представление, чем о физике.

Америка!.. Моя Америка!.. Страна приключений, войны и охоты—где ты? Автомобильный гудок нарушает безмолвие прерии. В дремучих лесах, на железнодорожных станциях сверкают электрические лампочки. Дикие, благородные индейцы бродят по ярмаркам, лудят посуду и подшивают подошвы не к мокассинам, а к самым обыкновенным американским бутцам... И никаких скальпов!

Так сразу, так неожиданно узнать злую, беспощадную правду!

Конечно, Купер и Майн-Рид замечательно описывают Америку, но все-таки—почему я не учил георафии?

Америка! Где ты?

13 „КРОКОДИЛЫ"

— Вставай!—во все горло кричал Юрка, отбивая по дну лодки барабанную дробь кулаками.

Я сел и с размаху ударился макушкой о низкий потолок нашего дома.

В узкую щель между землей и бортом лодки бил яркий солнечный свет. Васька сбросил покрывало и ползком выбрался наружу. Я последовал за ним.

Очевидно, было еще очень рано—солнце только-только выплыло из-за высокого елового леса на противоположном берегу реки. Земля, трава, деревья—все блестело в каплях вчерашнего дождя.

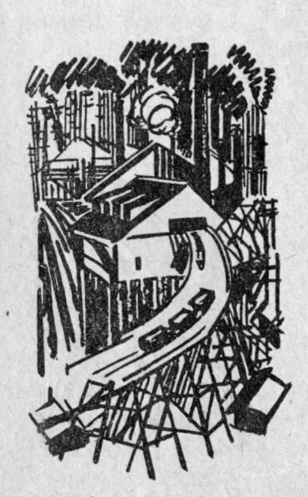
Я потянулся и зевнул.

— Эх, куда такую рань!.. Поспать бы еще...

— Как бы не так!—неумолимо отрезал Юрка.—Нам к полудню надо на Авдееву Яму поспеть: там, брат, такая рыбная ловля, что пальчики оближешь. Ну, живо, купаться!

Юрка и Васька скинули трусики, подошли к берегу реки, оба разом высоко подпрыгнули и вниз головой нырнули в воду.

„Истомленный охотник освежил свое усталое тело в прохладных водах быстрой Амазонки"—пробормотал я случайно пришедшую на ум фразу из какого-то романа Густава Эмара.

Америка, и никаких скальпов

Я стащил с себя трусики, деловой походкой подошел к самому берегу реки и... остановился. Во-первых, вода с виду была безусловно холодная, во-вторых, я не был вполне уверен в том, что я умею плавать (после малоуспешного опыта с греблей я стал

крайне осторожно относиться к различным видам водного спорта) и, наконец, в-третьих, в памяти вставали отдельные строчки все из того же Густава Эмара:

„В темной неизвестной глубине реки таились хищные пресмыкающиеся чудовища: крокодилы, ляская зубами, прятались в прибрежных камышах; многочисленные ядовитые змеи бороздили поверхность реки“. Оно, конечно, во Владимирской губернии крокодилам как будто водиться не полагается, но все же осторожность никогда не мешает. Мало ли какая может забрести фантазия в крокодильи мозги! А может быть, какой-нибудь кайман махнул с Амазонки в этот самый... в Великий, что ли океан?.. Из Великого—в Атлантический или еще в какой-нибудь, а потом пешим порядком в Каспийское море и вверх по Волге—словом, вот до этого самого места, специально для того, чтобы позавтракать мною, Анатошей Одуванчиковым.

Сидит вот где-нибудь здесь, под этою травкой, зубы ощерил, смотрит на меня, и слюнки от аппетита текут...

Я осторожно опустил в воду самый кончик правой ноги и, получив здоровый толчок в спину, полетел вниз головою в воду. Я ударился руками о дно, оттолкнулся и всплыл на поверхность.

Я полетел вниз головой

Оба злодея—Юрка и Васька, стоя на берегу, хохотали самым наглым образом.

Кое-как, отчаянно ударяя руками по воде, я добрался до берега, ухватился за какую-то травку и хотел вылезти—не тут-то было: надо мной наклонилось безжалостное лицо Юрки.

— Куда? Все равно не пущу—плыви вниз по течению!

— Да ведь я же плавать не умею!—взмолился я.

— Врешь, умеешь! А не умеешь, так научишься.

— Утону! Честное слово, утону.

— Слушай, Толька! По реке путешествовать и плавать не уметь—это, брат, никуда не годится. Ты не бойся—утонуть мы тебе не дадим... Ну-ка!—Сильные руки оборвали траву, за которую я держался, и оттолкнули меня от берега. Я сделал несколько шагов назад по скользкому, круто углубляющемуся дну, погрузился с головою, вынырнул и вдруг... поплыл. Да, да—поплыл самым настоящим образом.

И вдруг... поплыл

Я загребал воду ладонями рук, бил изо всей силы ногами и совершенно определенно не тонул, а плыл.

Я покосился глазами на берег. Юрка и Васька шли рядом со мной, внимательно наблюдая за моими движениями. Я убедился в том, что они действительно не дадут мне утонуть, и поплыл еще смелее.

— Так, так!—одобряли меня ребята.—Держи голову выше... Дыши правильно... Не бей руками по воде... Загребай, загребай...

Проплыв шагов двадцать, я почувствовал, что выбиваюсь из сил, но очевидно, это было замечено и Юркой.

— Стоп! Вылезай!

Я немедленно выкарабкался на берег.

— Молодец, Толька!—ударил меня по спине Васька.—Я когда плавать учился, так у меня куда хуже выходило.

— Ну, скажи, пожалуйста, чего ты трусил лезть в воду?—спросил меня Юрка.

— Собственно говоря—крокодила,—откровенно сознался я.

— Крокодила?!

— Ну, да... Видишь ли, крокодилами кишат все реки Африки и Америки... Например, у Майн-Рида...

Но ребята уже не слушали моих об‘яснений, от хохота валялись по песку.

— Крокодил! У нас—крокодил... Вот так выдумал!.. Нет ты хоть и молодец, а все-таки тюря!..

Опять это ужасное слово! Я хоть и не понимал ясно, что оно значит, но чувствовал, что в нем должно скрываться что-то позорное, унижающее.

И когда же я, наконец, избавлюсь от этой отвратительной клички?

(*Продолжение следует*)

Эх ты, тюря!

ОКОШКО ВО ВСЕ СТРАНЫ

Удобно сидя в седле велосипеда, человек спокойно взбирается на гладкий столб

С ВЕЛОСИПЕДОМ НА ДЕРЕВО

В последнее время изобрели такой велосипед, с помощью которого без особого риска можно взбираться не только на деревья, но и на телеграфные столбы.

Этот велосипед построен специально для того, чтобы, сидя на нем, можно было бы свободно исправлять повреждения на телеграфных столбах.

АВТОМОБИЛЬ В 1000 СИЛ

Те автомобили, которые каждый день тысячами гудят на улицах Москвы и других городов Союза, имеют всего по 30—40 лошадиных сил.

Все они покажутся игрушками в сравнении с недавно выпущенным сверхмощным автомобилем, в который сядешь в Москве, а через полтора часа вылезешь в Ленинграде. Такой автомобиль построил один английский автозавод. По расчетам, этот автомобиль может развить скорость до 500 километров в час. Пока только—по расчетам, потому что не проложены еще для него идеальные дороги.

Для автомобиля, мчащегося с такой скоростью, необходима совершенно прямая дорога. Надо, однако, чтобы и сам автомобиль шел абсолютно прямо, иначе из-за бешеной скорости он без всякого труда завертится волчком в овраге.

Обычным рулем достигнуть этого нельзя, так как пока из мозгового аппарата шофера дойдет приказание к двигательным нервам рук — выравнять ход машины, сама машина пройдет уже такое большое расстояние, что катастрофа станет неизбежна.

Чтобы таких катастроф не было, конструктор этого автомобиля придумал особое рулевое приспособление, которое заставляет машину итти совершенно прямо, помимо воли шофера. Но это устройство до сих пор остается секретом изобретателя.

Когда мы научимся строить идеальные дороги, тогда обогнать ураган, мчащийся со скоростью 120 километров в час, станет пустяшным делом.

МУХА БЫСТРЕЕ АЭРОПЛАНА

Среди бесчисленных видов животных и насекомых существуют такие, которые до сих пор еще никому неизвестны и которых исследователи находят случайно.

Чаще всего эти вновь открытые животные или насекомые резко отличаются от всех других известных раньше. В Бразилии ученые натолкнулись на новый вид мухи. Это необыкновенная муха, которая летает втрое быстрее лучшего гоночного аэроплана, т.-е. 1300 километров в час. В 17 часов она может облететь вокруг всего земного шара.

Пока об этой мухе известно мало, так как благодаря ее бешеной скорости полета ее еще живьем поймать никому не удавалось. Но заметили, что яички свои она откладывает в ноздри крупных животных.

Для того, чтобы изучить образ ее жизни, хотят взять те самые личинки, которые откладывает она в ноздри животных, и вырастить взрослую муху.

До сих пор еще не выяснили, благодаря чему она может летать с такой страшной скоростью и оставаться целой и невредимой.

Почему она не сгорает?

Об'сняют ученые это тем, что волоски, которые покрывают ее тело, задерживают вокруг нее постоянную оболочку воздуха. Как известно, воздух — плохой проводник тепла. Значит, то тепло, которое развивается при ее полете, должно прежде нагреть воздух, находящийся между волосками, а затем уже муху.

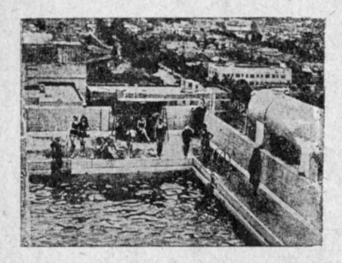
Благодаря этому задерживающему покрову муха-цефеномия безнаказанно обгоняет самолеты.

ДОРОГА ПО КРЫШАМ

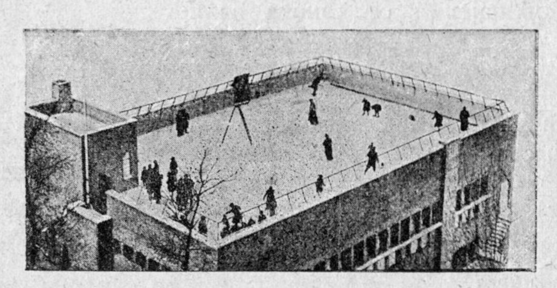
Почти во всех крупных городах Запада земля под постройки стоит очень больших денег. Поэтому на Западе предпочитают строить дома не в ширину и длину, а в высоту. Недостаток площади заставляет использовать свободную площадь крыш.

Рестораны, кино, катки и купальни устраиваются на крышах. В итальянском же городе Турине ухитрились проложить по крышам автомобильную дорогу.

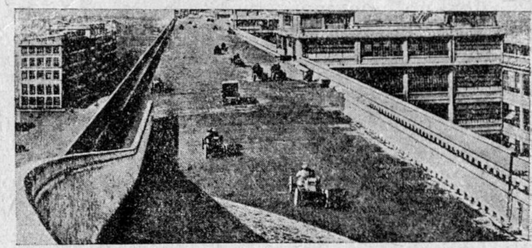
Нечего и говорить, что ездить по ней не совсем безопасно. Особенно на поворотах, где легко сшибить барьер и свалиться на головы прохожим.

Ни речки, ни пруда—одни огромные серые здания. На крышах этих-то зданий и устраивают бассейны для купанья

А, тут вот снимают „трюковые“ кино-картины на фоне американских небоскребов

Додумались до того, что на крышах домов устраивают... шоссейные дороги

ЧЕЛОВЕК НА ДНЕ ОКЕАНА

Много богатств с погибших кораблей схоронено в морях и океанах, но поднять их не так уж легко.

Самое страшное препятствие, мешающее спуститься на дно океана или моря—это давление. Ведь на человека, спустившегося на 100-метровую глубину, давит вода с силой 10 кг. на каждый квадратный сантиметр его тела.

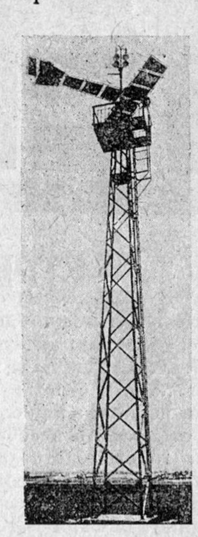
И поэтому до сих пор такого давления не мог вынести ни один из водолазных аппаратов, спущенных с человеком вниз. И только в последнее время изобрели аппарат, который позволяет вести спокойную и успешную работу на глубине 150 метров. Этот прибор довольно прост, представляет он собой толстостенную круглую стальную камеру.

Весь прибор удерживается у борта затонувшего корабля с помощью сильных электромагнитов. В этой камере кроме людей находится еще электрический сверлильный станок, который и просверливает борта погибших кораблей. После того как борт просверлен, из внутренности корабля извлекают все что нужно при помощи особых захватов-щупалц.

Вся работа производится при ярком свете прожекторов.

АЭРОДРОМ БЕРЛИНА

Ночная посадка самолетов сопряжена с немалыми опасностями.

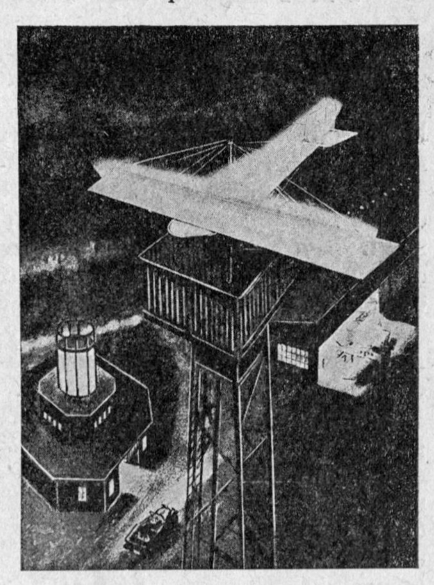

Такие мачты установлены на Берлинском аэродроме

Но самые последние достижения немцев в области усовершенствования аэродромов позволяют садиться самолетам ночью так же безопасно, как и днем. На Берлинском аэродроме установлены две высоких радиомачты. На своих верхушках они имеют сильные источники красного света. Пилот, издали заметив красные огни, безошибочно приближается к аэродрому. Когда его аппарат достаточно близко, он отчетливо различает сигнальные красные огни, которые сигнализируют по „Морзе“ букву „Б“. Таким образом он узнает, что под ним аэродром Берлина.

Но этого мало. Для того, чтобы удачно совершить посадку, небходимо знать еще и направление течения нижних слоев воздуха. Самолет должен садиться всегда против ветра. О направлении ветра пилот узнает по небольшому светящемуся самолету, насаженному на особую мачту. Этот самолет всегда имеет такое направление, какое должен иметь спускающийся аппарат.

Кроме этого, по краю аэродрома расположены восемь сильных ламп, которые освещают самый аэродром. Благодаря особому устройству эти сильные лампы не ослепляют летчиков и не бросают теней.

Самолет спокойно спускается на аэродром

РЕБЯТА!

С этим номером кончается полугодовая подписка на журнал. КТО НЕ ПОДПИСАЛСЯ НА СЛЕДУЮЩИЕ ПОЛГОДА,—пусть поторопится.

№ 13 ПИОНЕРА будет уже во втором полугодии. В нем кончается *повесть о Сергее Нечаеве*, продолжаются *приключения Анатоши Одуванчикова* и печатается *рассказ венгерского писателя Анатолия Гидаша „ОТВЕТСТВЕННОЕ ПОРУЧЕНИЕ“*.

БУМЕРАНГ—в № 13 ПИОНЕРА получил первые *вести из лагерей*.

В ЕРШЕ—*конкурс на лучшее использование животного. Что делается из слона. Зоосад Ерша. Горе-охотник. Укротитель.*

В ЕРШЕ целых 4 страницы, а не три, как всегда.

ОТВАЖНЫЕ АВИОДЕВЧАТА из звена „Красный Пионер“. Как звено сделало воздушный шар в два человеческих роста вышиной. Все ребята могут сделать такой шар.

ЗВЕНОСНОП.

РЕБЯТА! ждем ваших отзывов о Бумеранге, Звеноснопе, Ерше и обо всем журнале „Пионер“. Напоминаем одесским ребятам, что они еще не прислали материала в Бумеранг

ЖДИТЕ № 13

ЗВЕНОСКОП

НА ТРУДРАЗВЕДКУ

Если ваше звено, живя в лагере, еще не сделало какого-либо полезного дела в деревне, немедленно, сегодня же, отправляйтесь на трудовую разведку. Покажите ваше умение находить работу и выполнять ее дружно, всем коллективом.

Куда итти, что делать? Умейте смотреть. Вот бедняк, который не в состоянии справиться с полевыми работами. Вот семья красноармейца, еле-еле сводящая концы с концами. Вот ребята, жаждущие чего-то нового, интересного от городских ребят.

Там нужно выполоть капусту, тут убрать навоз, провести беседу, присмотреть за ребятами, провести сбор в деревенском отряде и т. д.

Работы по горло. Смело идите на разведку и беритесь за дело. Но помните: нет ничего позорнее, как бросить начатую работу, не доведя ее до конца.

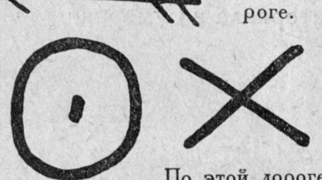

Еще одно указание: прежде чем браться за работу, посоветуйтесь с вожатым отряда, в кресткоме или сельсовете, чтобы действительно работать там, где нужно.

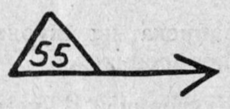
ДОРОЖНЫЕ ЗНАКИ

Ваше звено отправлено в разведку для того, чтобы указать верный путь отряду. Оставляйте на дорогах дорожные знаки. Легко и свободно отряд найдет нужный путь. Понадобится ли вам указать дорогу в кооператив, в лагерь, помочь отставшим товарищам следовать к нужному месту,—всюду пригодятся эти знаки. Они чертятся на обочинах дорог, вырезаются на земле, складываются из прутьев, досок, кирпичей, чертятся на заборах. Существует правило: не топтать и не разрушать знаков, если об этом заранее не уговорено. Вот эти знаки:

Иди по этой дороге.

Я пошел домой. По этой дороге не ходи.

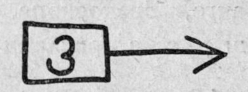
Дорога в лагерь 55 отряда.

Там хорошая вода.

Там дурная вода.

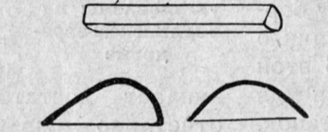
Письмо спрятано в стольких-то шагах по направлению стрелки.

О других знаках укажем в следующем „Звеноскопе“.

СТРЕЛЬБА ИЗ ЛУКА

Не везде можно достать оружие, чтобы научиться метко стрелять. Стоит ли падать духом? Лук и стрелы может сделать всякий, а этого достаточно, чтобы развить в себе все качества хорошего стрелка.

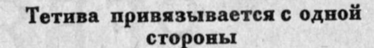
Лук делается высотою до подбородка стрелка, толщиной в середине дюйма в $1^1/_2$. К концам он несколько уже. Палка с одной

Палка лука должна быть полукруглой

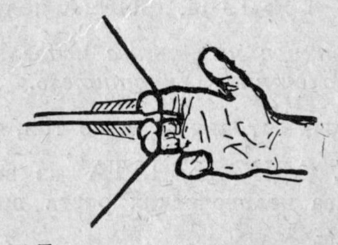
стороны обстругивается по всей длине, становясь таким образом полукруглой. Лук нужно обстругать таким образом, чтобы он при натяжении был равномерно согнут.

На концах лука делаются зарубки, как показано на рисун-

Тетива привязывается с одной стороны

ке. С одной стороны тетива прикрепляется наглухо, с другой просто надевается перед стрельбой на зарубку. Это нужно для того, чтобы лук возможно дольше сохранил свою упругость.

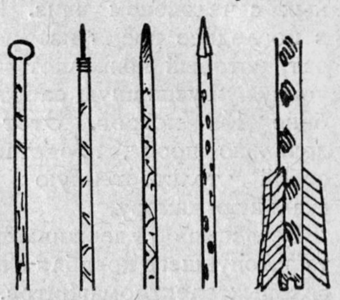

Так натягивают тетиву

Тетива делается из жил животных или же из пучка сапожной дратвы, натертой воском.

Стрелы делаются длиной в 60—100 см. из сухой доски с продольными волокнами. На конце стрелы делается оперение из гусиных перьев для более правильного полета. Оперение можно сделать с двух или даже трех сторон стрелы, но так, чтобы во время стрельбы оно не касалось планки лука. На конце стрелы делается зарубка для тетивы.

Различные наконечники для стрел и оперения

Наконечники стрелы можно сделать острыми из гвоздя, жести, обожженного дерева и т. п. и тупыми для стрельбы вверх (из смолы, кожи и т. п.).

Стрелы окрашиваются в яркий цвет, чтобы их легко можно было находить в листве.

Натягивается лук тремя пальцами, при чем стрелы находятся между указательным и средним пальцами. Левая рука вытянута. Стрелок стоит в полоборота к мишени.

Мишени можно сделать из дерева, мешка набитого мхом и т.п. (смотри „Звеноскоп“ №№ 10 и 11).

Стрелы держатся в колчане из материи или кожи.

Проводите соревнования в стрельбе из лука по мишени—на меткость и на быстроту выпуска стрел.

Попробуйте-ка например, выстрелить вверх так, чтобы в воздухе одновременно находилось пять стрел.

Колчан для стрел

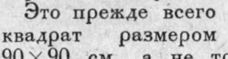
ЗВЕНОСКОП ждет от звеньев вестей из лагерей.

Пишите о том, что применяется вами на практике.

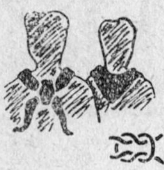
КАК НОСИТЬ ГАЛСТУК

1000 способов его применения

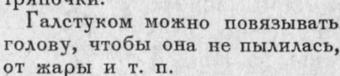
Эти красные тряпочки, которые носят большинство пионеров, совсем не похожи на пионерские галстуки. Они вечно сбиты в сторону, потому что неправильно завязаны. Послушайте, каким должен быть настоящий пионерский галстук.

Это прежде всего квадрат размером 90×90 см., а не треугольник. Квадрат складывается по диагонали, треугольником.

Летом лучше носить галстук поверх воротника, заворачивая последний внутрь. Чтобы галстук не ерзал на шее и не сбивался на сторону, подогните верхние края его, соприкасающиеся с шеей, под рубашку.

Галстук завязывается простым рифовым узлом. Получается пышный, красивый, удобный пионерский галстук, а не какие-то мятые тряпочки.

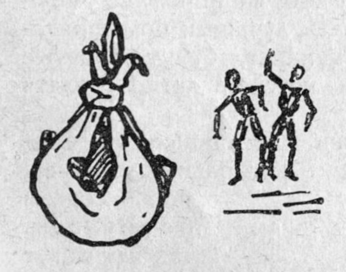
Галстуком можно повязывать голову, чтобы она не пылилась, от жары и т. п.

Из двух галстуков великолепно выйдет легкая майка.

В четырехугольном галстуке можно нести собранные на

экскурсии растения, коллекции камней, грибы и т. п.

Галстук незаменим в играх, в различных эстафетах, во время бега в три ноги и т. п.

Словом, большой четырехугольный галстук не только красив и удобен в носке, но и незаменим в походной обстановке.

ДНЕВНИК ЗВЕНА

Плохо, очень плохо обстоит у нас дело с звеньевыми дневниками. Записи ведутся неаккуратно, как попало. Дневник неинтересен, так как ведется очень сухо, точно протокол: был сбор тогда-то, пришло столько-то, говорили о том-то—и все. Понятно, почему ребята не дорожат таким дневником.

Что такое звеньевой дневник? Это прежде всего интересная, увлекательная книга. Здесь прочтешь не только о том, что было на сборе и кто его проводил, но и то, чего не было на сборе, что происходит за кулисами звена, в семье, школе, на улице.

Дневник—зеркало работы звена, в котором до мельчайших подробностей отражается лицо ребят, лицо звена. Дневник—это копилка опыта, которым могут воспользоваться все звенья.

Записи в дневнике ведутся поочереди всеми ребятами, причем один следит за дневником, может быть, даже переписывает отдельные заметки четким почерком.

В дневнике описывается, что предполагалось провести на сборе, что проведено, содержание беседы и всего сбора, мнение ребят о сборе, сколько ребят было, отсутствовало, опоздало. А главное, — живо, интересно описывайте звеньевую жизнь.

Не забывайте вклеивать в дневник все материалы, как например: копии писем, которые вы отправляете за границу, ответные письма, отдельные документы, фотографии и т. п.

Иллюстрируйте дневник возможно лучше.

Дневник представляет собой толстую тетрадь в твердом переплете. Сделайте его сами. На первой странице напишите: дневник такого-то звена такого-то отряда. На одной из первых страниц поместите список пионеров звена с подробной анкетой: имя, фамилия, адрес дома, школы, в какой группе учится, чем занимаются родители, когда поступил в отряд и звено и почему выбыл. Имея такую анкету, вы всегда можете подвести итог—сколько ребят перебывало у вас в звене за год и почему они выбывали.

Кроме того, сделайте списки для учета посещаемости сборов и для отметки результатов осмотра чистоты ребят, которую проводят члены санкома.

Создавайте историю звена. Бережней относитесь к дневникам.

МОРСКОЙ БОЙ

В „морской бой“ играют двое. Каждый противник имеет два квадрата бумаги, разлинованной так, как показано на рисунке. В клетках расставливаются суда: броненосец (четыре клетки), два крейсера (по три клетки), три миноносца (по две клетки) и четыре подводных лодки (по одной клетке). Суда расставляются как угодно, но так, чтобы они не касались друг друга.

Задача противников, не знающих расположения судов друг друга, заключается в том, чтобы вывести из строя вражеские суда. Для этого начинается „перестрелка“.

Ведется она так. Противник, начинающий игру, говорит, предположим: „Е девять“. Это значит, что он стреляет в эту клетку. Если на этой клетке расположена ваша подводная лодка, то вы зачеркиваете ее и говорите: „убит“. Попадание в какую-либо цель дает право на следующий выстрел.

Противник говорит далее, например: „Б один“. На эту клетку приходится ваш миноносец. Но для того, чтобы „убить“ его, нужно 2 выстрела (две клетки) и вы говорите не „убит“, а „попал“. Тогда противник знает, что где-то рядом имеется другая занятая клетка, и старается нащупать ее. Если он попадает удачно, то „убивает“ миноносец и имеет право на следующий выстрел, до тех пор, пока не попадет „мимо“. Тогда начинает стрелять второй игрок.

Выигрывает тот, кто скорее перестреляет все суда противника.

На своей карте играющие отмечают результаты выстрелов противника, а на контрольной—свои выстрелы по карте противника. Промахи отмечаются точкой, попадание — крестиком.

Нравится ли вам „Звеноскоп“? Что бы вы хотели в нем видеть? Пишите в „Звеноскоп“ об опыте вашей работы.

ЛАГЕРНЫЕ МЕЛОЧИ

Как валить деревья

Рубите деревья осторожно, в случае только крайней необходимости. Берегите лес, берегите каждое деревцо.

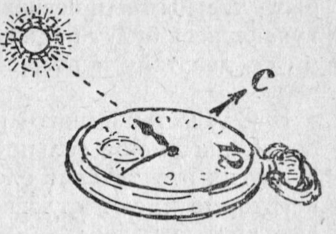
Рубить нужно только в чаще леса, в сухостое, где деревья растут тесно друг к другу.

Если вы не хотите покалечить себя, рубите деревья так. Сначала подрубите до половины с той стороны, куда вы хотите свалить дерево. Затем рубите тоже до половины с противоположной стороны и на 20—25 см. выше. Теперь толкайте дерево, и оно совершенно безопасно упадет в нужную вам сторону.

Как найти страны света по часам

Держите часы горизонтально. Направьте часовую стрелку на солнце. Теперь положите карандаш через центр часов на половине расстояния между часовой стрелкой и 12-ю. Концы карандаша укажут север и юг.

Что берет звено в лагерь

В лагере звенья не только будут жить в одном месте. Будут походы. Придется взять довольно солидное оборудование.

1) Дневник звена.
2) Флажок звена.
3) Звеновая библиотечка с книгами для работы.
4) Некоторые инструменты или простейшие мастерские (паяльная, плетение и т. п.).
5) Небольшой архив.
6) Звеновой шкафчик, полочки и т. п.
7) Лопатка в брезентовом чехле.
8) Три топорика в чехлах.
9) Походные котелки (для экскурсии), 1 котелок на двоих.
10) Походная палатка (см. „Звеноскоп“ в №№ 10 и 11).
11) Звеновая аптечка.
12) 2 пары флажков для сигнализации в чехлах—два белых и 2 красных.
13) Комплект для топографической с'емки в сумочке (карта лагеря, компас, планшет, бумага для с'емки, кнопки, визирная линейка с делениями, резинка).
14) Электрический фонарик.
15) Часы.
16) Баскетбольный мяч.
17) Маленькие мячи для лапты.

Подробнее о том, что взять отдельному пионеру, читай „Пионер“ № 8.

БУХ В ВОДУ

А. МАРЕЕВ

Выбирая место для купанья, нужно главное внимание обратить на чистоту воды, чтобы она не была загрязнена различными стоками с фабрик или из селений. Летом часто стадо заходит в воду и, если место для купанья находится ниже, то постоянно течением

Плотик

будет приносить грязную, а иногда и зараженную воду.

Берег места для купанья лучше выбрать отлогий, поросший травой или песчаный, постепенно уходящий в воду, чтобы не умеющие плавать ребята могли спокойно сходить в воду, не боясь глубины.

Дно реки в этом месте должно быть твердым или песчаным, иначе купающиеся будут поднимать ногами со дна тину и этим загрязнять воду.

В СССР так много различных рек. Одни имеют сильное течение, в других это течение еле заметно, некоторые имеют отлогие, некоторые крутые берега.

Трудно сказать каждому пионерскому отряду, где он должен купаться, когда даже не знаешь, какое из красивейших мест он займет для своего лагеря. Поэтому, выбирая место с чистой водой, нужно принять во внимание следующее: река с неровным дном, да еще с сильным течением всегда опасна для купающихся.

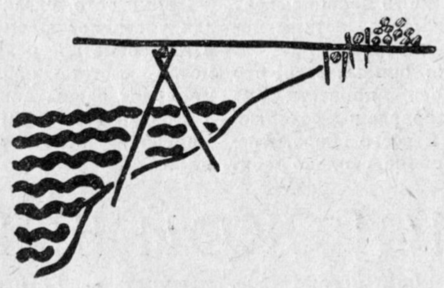

Устройство вышки там, где нет дерева

В озерах и прудах вода стоячая, и если она чистая и имеется хорошее, не тинистое дно, то это место тоже будет прекрасным для купанья.

Короче, место для купания должно быть с чистой водой, иметь незагрязненное отлогое дно и удобный для раздевания и для постепенного схода в воду берег, на котором можно принимать солнечные и воздушные ванны.

Выбрав место, его надо оборудовать, сделав вышку для прыжков высотою в 3 метра, пружинящую доску и маленький плотик для одевания и схода в воду. Для прыганья в воду можно приспособить растущее на берегу около глубокого места дерево, устроив на толстых суках из досок площадку, с которой можно было бы прыгать.

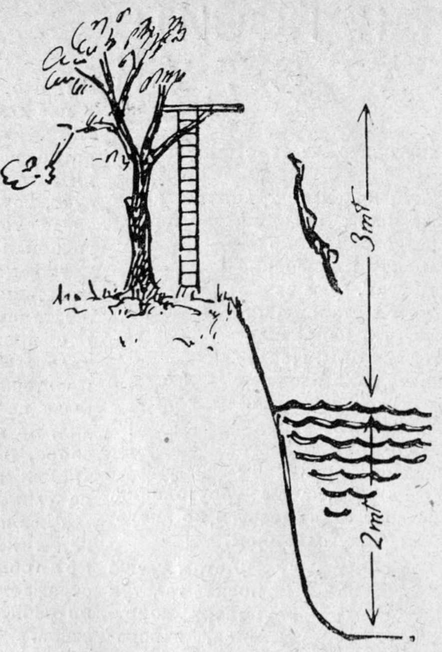
Так устраивается пружинящая доска

Лучше устроить вышку таким образом: на глубоком месте вбивают рядом, на расстоянии метра, столбы высотою над водой метра в 3. На столбах делается площадка, которая соединяется с берегом сходней.

Пружинящая доска делается так: два столбика (или козлы) забиваются в дно высотою над водой приблизительно в 80—100 см., на них кладется длинная доска, один конец которой укрепляется неподвижно в берег, другой выступает над водой метра за $1^1/_2$—2 от кольев.

Чтобы сделать плот, нужно несколько одинаковых бревен соединить поперечно досками, на которые кладется настил. Доски для настила нужно острогать, чтобы они были гладкими и не сажали заноз.

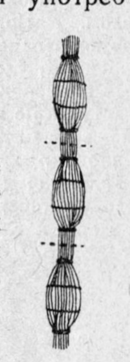
Для не умеющих плавать ребята могут сделать различные плавательные приборы. Для этого можно послать ребят нарезать тростника, который нужно высушить и потом, сделав из него ровные

Для вышки можно приспособить дерево

снопики, толщиною в бедро ноги, разрезать их на части длиною в 35—40 сантиметров и потом отдельные части связать по-двое веревками, как это показано на рисунке.

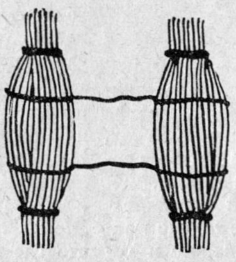
Можно для плавания употреблять свои штаны. Для этого нужно их намочить и потом, завязав штанины, ударить, набирая в них воздух, по воде. При заносе для удара нужно держать штаны за пояс и из-за головы прямыми руками быстро опустить их поясом в воду. Можно также взять две футбольных камеры, положить надутыми в мешок и мешок завязать, после чего положить его на воду, разместив камеры по краям, и плавники готовы.

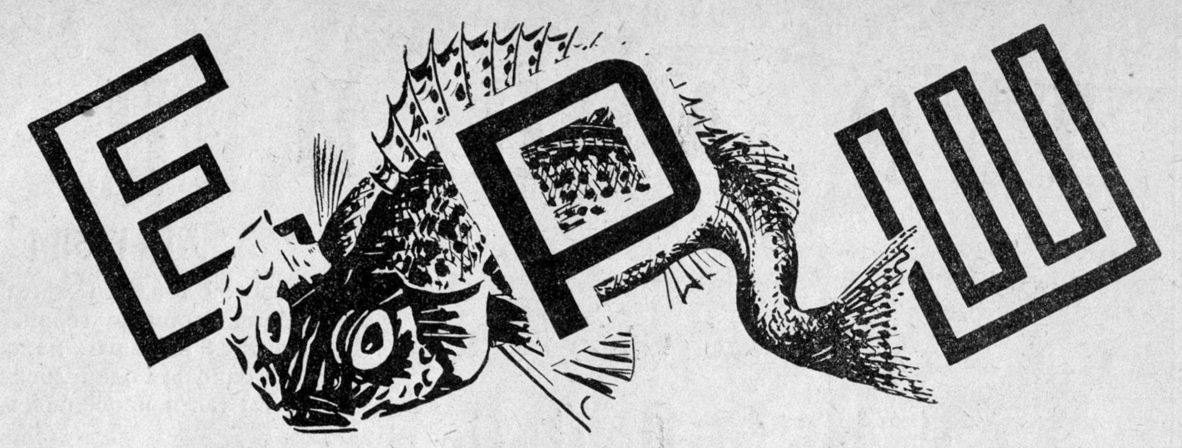
Тростник связывается так

Плавники продаются в магазинах готовые, но они не совсем дешевы, и поэтому для пионеров, не умеющих плавать, лучшими помощниками при купании будут простые тростники, которые легко сделать самим.

Плавники, сделанные из штанов или футбольных камер, не совсем безопасны, так как могут всегда выпустить воздух, поэтому на них не следует при купании заплывать на глубокие места.

Готовые плавники

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ЮМОРИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ПИОНЕРОВ И ШКОЛЬНИКОВ

№ 6 ИЮНЬ 1928 г.

ЕРШКОРАМ!

Навострите плавники!
По воде хвостами бейте,
По излучинам реки
Мчитесь быстрые, как ветер.

Средь камней и средь коряг
В грязной тине, в мутном иле:
Может быть, таится враг,
Про которого забыли.

И, тревожа карасей,
Будьте зорки даже в мраке,
Пусть непрошенных гостей
Зло освистывают раки.

Не боясь зубастых щук,
Уплывайте смело в дали:
Может быть, найдется друг,
Про которого не знали.

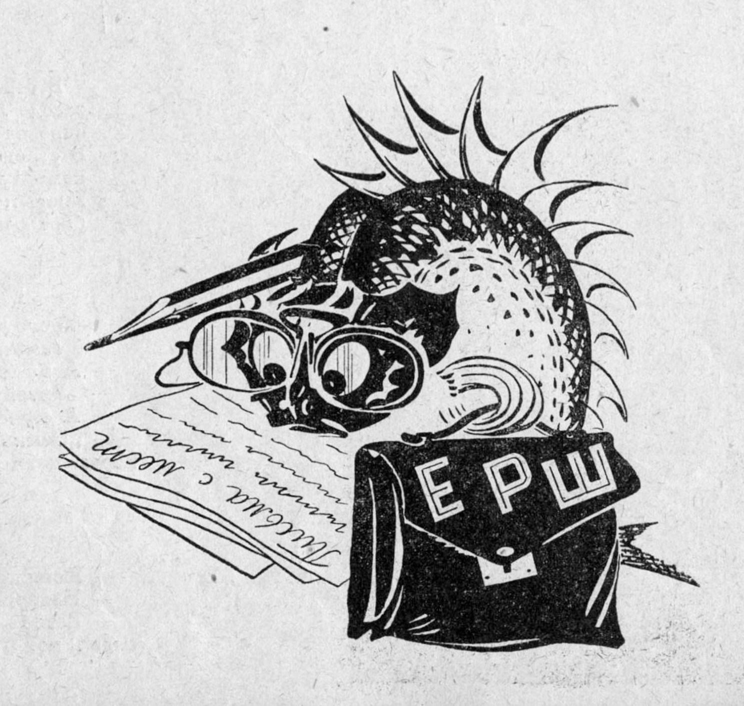
Удивляя пискарей—
Значит смелы, если юны—
Уплывайте вдаль морей
Сквозь прибои и буруны:

Там, где, скаля грозный рот,
Ждет акула черной тенью,
Может быть, найдется тот,
Кто нуждается в спасеньи.

Чем не стол—ленивый морж?
В каракатице — чернила!
Обо всем пишите в „Ерш“.
Мы, друзья,—большая сила.

Не скрывайте ничего,
Школьники и пионеры,
Не найдется никого,
Кто, прочтя, не примет меры.

Андрей Иркутов

СТРАНИЦА

1

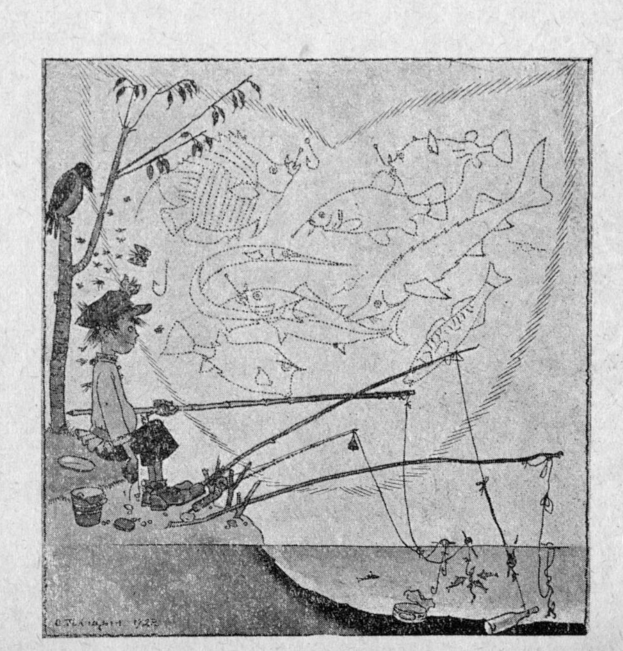
Кто вдоль речки ходит бѐрежком,
на песок садится бережно,
кто на плес
с собой принес
восемь лёс,
четыре удочки,
червяка на блюдечке,
четыре подпорки
и сестрино Зинкино
цинковое
ведерко.
Кто он? Это наш известный,
знаменитый повсеместно,
Самый лучший, самый ловкий
это сам... без лишних слов
это Вовка—
рыболов!

2

Просидевши ночь бессменно,
рыбу взвесит он безменом,
и мамаше на отраду
принесет для маринаду
скумбрию что надо,
судачка в три кило,
четырех линей,
не бывает длинней,
и если б еще в ведерко вошло,
словил бы с утра
на живца осетра.

3

Вечером на сонном пляже
Вовка грустно в узел вяжет
удочки погнутые,
лески все перепутанные,
четыре подпорки
и сестрино Зинкино
цинковое
совсем пустое ведерко.

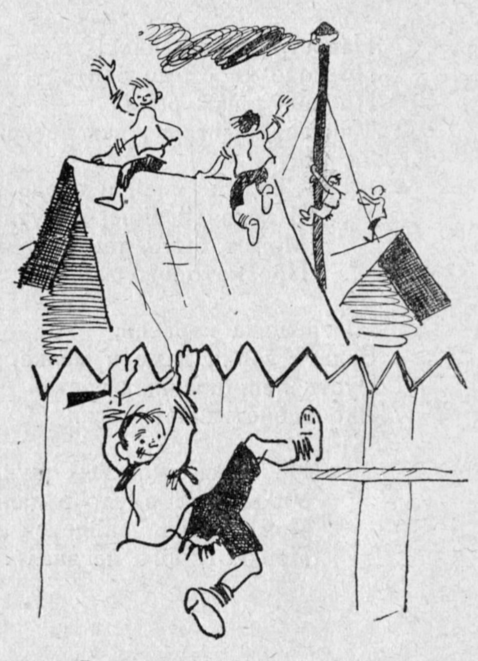

ЛЕНТЯИ

Дорогой товарищ лентяй,
Время даром не теряй,
Учиться всем нам надо,
Без работы—одна досада.
А ты так и проспишь весь свой век,
Не то сурок, не то человек.
Надо на сборы ходить,
С пионерами всеми дружить,
Девочек не нужно пугать,
Бабушек старых не ругать,
Животных надо любить
И палками их не бить.
Товарищ лентяй, я кончаю
И тебя к работе призываю.

Ершкор Коля Оленюк

И ЭТО ПИОНЕРЫ?

В отряде № 22 при маслозаводе № 17 в городе Армавире очень плохая дисциплина. В строю пионеры не слушают команду вожатого, а только лазают по крышам завода, заборам и т. д.

Михаил Токарев

РАЗУЧИЛИ

— **Много ли ваш отряд песен разучил?**
— **Несметное количество.**
— **А ну-ка, например, какие?**
— **„Взвейтесь кострами"**
— **А еще?**
— **„Синие ночи", и еще „Мы—пионеры, дети рабочих" и другие.**

Ваня Гончаров

ПЕРЕВОД

— **Меня нынче перевели.**
— **Наверно ты хорошо учился?**
— **Вовсе нет. Три года в одной группе сидел, вот и перевели в другую школу.**

Ваня Гончаров

ЕРШКОРА

Пионер—первый ученик

Пионер должен хорошо учиться. Петя Воробьев помнил этот лозунг очень твердо. Придя домой и положив книги, он сейчас же хотел приняться за уроки.

— Ты бы отдохнул немного,—сказал отец.

Поставили на голосование. Голосовали папа, мама, Петя и младший брат Шурка, хотя и не имел права решающего голоса.

В коридоре устроили футбол и играли так весело, что жильцы из первого этажа прибежали с криком:

— Перестаньте рубить дрова!

Потом обед. Потом... Петя решительно сел за книги, но во двор пришел человек с медведем. Медведь показал, как бабы носят воду и как ведет себя пьяный. Ясно, что после надо было все это повторить дома, Шурка был медведем. Он сильно рычал и все пытался укусить Петю за ногу.

Наконец, Петя сел за уроки.

„Нужно перевезти на вокзал зерно. Ячменя имеется 570 пудов, пшеницы в два раза больше, чем ячменя, а овса столько, сколько пшеницы и ячменя вместе. Сколько нужно подвод, если известно, что каждая подвода перевозит по сорок пудов“.

— Ну, это пустяки,—сказал Петя.—Решу в пять минут.

Пять минут прошли, прошли и десять минут.

„Почему у меня получается пшеницы меньше, чем ячменя,—недоумевал Петя.—Ах, да ведь пшеницы в два раза больше, а я делил. Ну, теперь все пойдет, как по маслу“.

Однако, не все шло, как по маслу. Полученное количество зерна никак не делилось на сорок. Это было в половине девятого. В половине десятого с помощью отца задача была решена и вредная цифра благополучно разделилась на сорок.

„Остальное приготовлю завтра утром,—мечтал Петя, клюя носом,—встану в шесть часов...“

Спал он тревожно. Снилось ему, что кто-то сыплет ему в карман и за шиворот ячмень, пшеницу и овес, всего 1700 пудов, и кричит: Вези на вокзал!—Я не лошадь, я маленький, мне тяжело.—Не разговаривай, а то я тебя разделю на 40 частей и каждая часть будет возить отдельно.

Петя испугался и повез. На вокзале его схватили за шиворот и начали трясти, чтобы высыпать зерно.

— Ой! — закричал Петя и проснулся.

— Уже девять часов, — сказала мать. — Пора в школу.

— Пионер должен хорошо учиться,—со сна пробормотал Петя. И, уже проснувшись, добавил:—Я это твердо знаю. Но как это трудно выполнить!

Ершкор Б. Федосеев

ЛОДЫРЬ

Хоть Гришук, и пионер,
Но он лодырь и неряха,
Неопрятный несуразный,
Вечно грязная рубаха.
Тянет кошек за хвосты,
Мучает собаку
И никак не понимает,
Что все это гадко.
Прилетели уж скворцы,
Всюду зелень вешняя,
Все ребята-молодцы
Делают скворешни.
Но Гришук скворцам не рад
И без размышленья,
Забрался с рогаткой в сад,
Начал разрушенье.
В бок скворешни покосились,
Стекла перебиты,
Почки с ветками простились,
Пять скворцов убиты.
Бой окончен. В возбужденьи,
С гордо поднятой главой,
Гришка кончил похожденья
И отправился домой

Ершкор Евтушенко

„В нашей Чистяковской семилетке совсем не работает санкомиссия. Сор из сорников не выносят по месяцу“.

Яша Гиловцев

ПРИВЕТ

Посылаю привет дорогому
другу—
Ершонку Мишке,
За его рассказы
И колючие письмишки.
Дорогой Ершик,
Я очень доволен
Твоим рассказом.
Взялся за рассказ—
Прочитал его разом.
Я читаю журнал „Пионер“,
Не хожу
без дел,
На последних страницах
Всегда нахожу
Веселый отдел.

Ершкор Каширин

Цена 20 коп.

ОТГАДАЙ

ЗАДАЧА О ВИШНЯХ. № 37

(Кацен Г., Дубровский поселок)

Пять мальчиков забрались в сад за вишней, при чем оказалось, что если бы второй мальчик нарвал еще 16 вишен, третий—25, четвертый 36, а пятый—49, то у каждого следующего мальчика было бы вишен вдвое более, чем у предыдущего. Перед уходом домой мальчики поделили нарванные вишни между собой поровну; при этом второй мальчик заметил, что число сорванных им вишен обозначается теми же цифрами, что и число вишен, доставшихся ему после дележа, но только в обратном порядке. Сколько вишен он нес домой.

СМЫШЛЕНЫЙ КОНЮХ. № 38

(Попова П., Кирсанов)

На конском заводе в одной конюшне было устроено 9 стойл в ряд. Крайние четыре стойла с одной стороны занимали лошади белой масти, а с другой стороны—черной. Среднее же пятое стойло оставалось свободным.

Конюху надо было переменить лошадей местами, и он решил это сделать таким образом. Каждую лошадь он переводил в соседнее свободное стойло или ближайшее, через одно (т. е. как бы перепрыгивал через одну лошадь), но не дальше, при чем лошадь не возвращал в прежнее стойло и в каждое стойло не ставил больше одной лошади. После некоторых затруднений конюху удалось добиться своей цели. Не сумеете ли и вы, ребята, это сделать?

РЕШЕНИЕ ЗАДАЧ, ПОМЕЩЕННЫХ В № 6

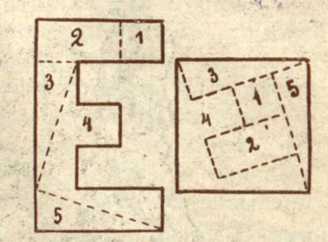
№ 13

Гол—оса.

№ 14

К—у—рица,
К—о—рица.

№ 15

№ 16

Кров + ь + юр(т)а + боч (к)и + х + дананамсв + обод + а + яр + ɔон + и + я + ǝтв + насжизн. + изар + я.

Кровью рабочих дана нам свобода, ярко сияет в нас жизни заря.

Шуточные вопросы

1) С—о—кол,
2) К—о—с—а.